

ВОЛКИ ОКРУЖАЮТ ВЛАДИМИР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Робер Мальков

18+

Роберт Мальков

Волки окружают Владимир

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Мальков Р. В.

Волки окружают Владимир / Р. В. Мальков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Действие романа перенесено на 2138 год. На отделившую себя от народа политическую власть насылаются мистические волки. Антиправительственные группировки видят в этом перст божий. Они – и ведисты, и социалисты – готовы теперь смести эту власть и вместе с ней установленную ею кастовую систему. Пока силовые ведомства будут отвлечены борьбой с волками, подпольщики попытаются в кровавой борьбе отстоять право на человеческое достоинство. Они готовы умереть... Автор верит, что опора на традиционные ценности поможет России выстоять перед вызовами, которое готовит ей время. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	6
Подпольные люди	11
Невисячие сады Семирамиды	19
В Театральном балагане	28
Часовой мастер	45
Конец ознакомительного фрагмента.	62

памяти моих родителей посвящается

*Тихое оподление души человеческой
ужаснее всех баррикад и расстрелов в мире.*

А. Куприн.

... и янтарные цепи витых облаков;
И тончайший искус философских стихов;

И вечерние сказки про магов и фей;
И весенние оргии жалящих змей;

И ажурная хрупкость крыла мотылька;
И щекочущий скрежет стального конька;

И цветущий над бездною горный цветок...

.....

*Первый путь – Перуна – путь яркого мщения, который некоторые
из вас называют революцией, где придётся проливать кровь.*

*Путь второй – Христа – путь жертвы, где вы будете только
обличать в беззаконии высшие чины власти. Главы родов говорят, Боги благословляют
оба пути. Но оба пути гибельны для вас. Но своей гибелью, может быть, вы спасёте остав-
шейся человеческий род.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Губернатор

7-е декабря. Понедельник

Бесценною миррой умашено её тело.

Росою божественной пахнет оно...

Гимн царице Хатшепсут, супруге бога Амона.

– С ума можно сойти! Эта зима какое-то сущее бедствие! Чуть ли не чума средних веков! – отвернув от замёрзшего окна свой крупный в бусах из мелкого жемчуга бюст, сказала Инесса Власьевна Ржевская, пожизненный губернатор Владимирской области, и устремила круглые, как у совы, полные негодования глаза на Аполлона Кузьмича Мухамиддинова, одного из своих многочисленных замов, отвечающего за обеспечения населения области продовольствием, одеждой и жильём. Длинный и лысый, с бесцветными глазами ярмарочной куклы, одетый в рыжий, уже в разводах твидовый костюм, он с почтительностью визиря, чуть наклонив правое ухо, слушал своего шефа.

С минуту в кабинете губернаторши, находящимся на первом этаже и представляющий собой средней величины прямоугольную комнату, со шкарами медведей и картой Владимирской области на стенах, с двумя хрустальными – в виде лепестков лилии – люстрами, мотающихся на потолке, уродливым сейфом и ореховым столом-бюро, заляпанного чернилами и заваленного бумагами и в довершение увенчанными облупленной в нескольких местах настольной лампой и допотопным телефоном, – стояла тишина. Только было слышно, как потрескивал грубо выложенный гранитными глыбами, с претензией на первобытный вкус, камин...

Нынешний Дворец Правления, находящийся на пересечении улицы Мира и Октябрьского проспекта, был построен на месте прежнего, взорванного пятнадцать лет назад конголезским студентом, сыном вождя каннибалов, впоследствии ставшего анархистом Паскалем Нгуаби. То сто пятидесятилетнее здание, было значительно солиднее теперешнего. Пять нависающих друг над другом этажей напоминали, правда, в усечённом виде, Белую пагоду в Луанг-прабанге, что в Лаосе. Своей величественной архитектурой и интерьерами оно преисполняло работающую в его недрах касту чиновников чувством совершенства своих персон, почти как у персидских владык, а в простолоудинов вселяла чувство сакрального почтения. Да и располагалось оно на одной из самых высоких точек Владимира. Стекайся, всяк православный люд. Полюбуйся воплощённому в камне чуду! И надо же такой беде случиться! Ящик с шашками в пятьсот килограмм тротила, брошенный в полночь в окно сторожа, уничтожил уникальный шедевр зодчества, погребя под своими камнями и его разрушителя.

Но нельзя власти оставаться без места жительства. Власть освящена свыше, если не Мардуком, семя которого суть текучее золото, то Железной Конституцией, состряпанной в недрах Центра. В противном случае это противоречило бы всем теориям государственного управления. Так и уважение масс запросто можно потерять. Поэтому в короткий срок был выстроен новый Дворец Правления. Но, он, несомненно, во многом, если не сказать, во всём, проигрывал прежнему. Увы! Человечество в последние годы сильно деградировало, и не способно было уже создавать мощную строительную технику, которая возводили бы огромные дворцы и храмы. А столетней давности машины во многом были изношены. Отсюда, и удручающий результат постройки. Трёхэтажный прямоугольный дом не имел прежней солидности. Необлицованные стены, тесовая крыша, обитая старыми листами железа. Только что один гранитный портал с двумя автоматчиками говорил о том, что здесь обосновались властные структуры.

Да, этот Дворец только курам на смех. Инессе Власьевне не надо об этом напоминать. И так ясно. Только своё понимание она вытесняла в глубины подсознания, чтобы горечь от утраты прежнего величия Дома Власти не повлияла пагубным образом на её психику. Почитая больше Фромма, чем Фрейда (хотя марксизм первого её сильно коробил), она верила, что никакие жизненные перипетии не способны сломить человека, если на дне его души гнездятся не биологические процессы закомплексованного индивида, а моральная сущность социального существа, но может случиться так, что на поверхность дневного сознания могут вдруг проступить именно судороги неразрешённой страсти, в её случае страсти по недостижимому уже ореолу дворцового великолепия.

Губернатор, грузная женщина, с кудрявым, тонкорунным чубом, облачённая в сиреневый, имитирующей сверхдорогую ткань костюм, в громоздких туфлях, тяжелою, вихляя чреслами, как старая султанша, прошла по алому половику, который не скрадывал скрипа полугнилых половиц, и, остановившись, прислушалась к лишь ей одной слышимым звукам Дворца Правления. Тяготы, свалившиеся в последнее время на её хрупкие плечи, кого хочешь, суеверным сделают, сочувственно подумал Аполлон Кузьмич. Но только кого же тут, в этом трёхэтажном кирпичном здании, по весне с протекающей ржавой крышей, помпезно именуемым Дворцом Правления, кроме мышей можно было услышать? Призрака отца принца датского, что ли? Но увидев, что Ржевская собирается дальше говорить, Мухамиддинов оборвал нить своих рассуждений и вновь вежливо подставил ухо. Губернаторша продолжала:

– Прошлые зимы тоже были не сахар, но эта бьёт все рекорды! – жаловалась она. – Это ж надо! Сорок градусов по Цельсию! Что ни говорите, Аполлон Кузьмич, но это наказание за наши грехи, то, что мы, слуги народа, пребывает в лени и праздности. Нашли себе тёпленькое местечко, а до забот населения нам и дела нет. Завтра же поставлю свечку Иверской Божьей Матери в Успенском Соборе. Может быть, этим и умилю Владычицу... Так же можно будет сходить и в индуистский храм, предложу фаянсовой мурти Шакти пуджу в виде ветки ашока, которая у меня расцвела дома. Как вы думаете? Мне кажется, так будет надёжнее... Ох, с этими напастями совсем чокнешься. И не отдохнёшь толком, внучков не потискаешь, у аквариума лишний раз не посидишь, в ботаническом саду не покопаешься. Фу! Дайте дух перевести.

Ржевская вынула платок, пахнувший ландышевыми духами, вытерла испарину, выступившую на выпирающем лбу и крупном, картошкой, носу.

– Итак, что мы имеет на сегодняшней день: а именно на 8 декабря 2138 года, Аполлон, Кузьмич? Выкладывайте всё начистоту! Вы знаете, я не люблю эзопова языка, всяких там намёков, недомолвок.

Мухамиддинов, немного покраснел, поправил чуть помятый шёлковый галстук, предмет былой роскоши, моргнув красными веками и приступил к докладу.

– К сожалению, Инесса Власьевна, котельные только на треть обеспечивают теплом жилые бараки. Но на помощь пришла природная смекалка нашего мудрого народа. Некто Леонардо Парамонов, можно сказать, местный Кулибин, изобрёл электро-печки, которые, представляете, при ничтожно малом отборе электричества, без ущерба для остальных жизненно важных объектов, дают порядочный объём тепла, так что в этом пункте мы сможем, если понадобится, противостоять и таймырским морозам. Как ему это удаётся, – Мухамиддинов пожал сутулыми плечами. – Одному Богу известно. Пока всё работает исправно. Но даже если какая-то система и выйдет из строя, к примеру, из-за диверсии или катаклизма, то особой трагедии я в этом не увижу. Человек-то у нас всё боевой, не пугающийся никаких аномалий и форс-мажоров. Вообще, я, Инесса Власьевна, диву даюсь нашему богатырю-народу. И холод, и голод – всё ему нипочём! Окунётся в прорубь, примет, голубок, стакан-два, и вот он, миленький, вновь бодрёшенек, воркует – готов для дальнейших свершений на благо директив, исходящих из Центра. Ведь когда, помните? двадцать лет назад, марсолёт с последними американцами

отчалил на Красную планету, всех охватил такой энтузиазм, что решили на радости целую неделю работать бесплатно на мануфактурах и заводах. И не было и дела, что за неделю они могли бы заработать несколько продовольственных талонов. Нет, нет, нашего человека так просто не сломить!

– Аполлон Кузьмич, – вдруг оборвала его речь чем-то раздражённая Ржевская, – пожалуйста, оставьте этот благодушный тон. Про парамоновские фокусы мне и без вас известно. Тут всё упирается в одно: выдержат ли дополнительной нагрузки наши подстанции? Вот как полетят две-три подстанции, и ваш народ-богатырь превратится в ледышку. Хотя, может, и в самом деле пронесёт. Тем более часть бараков отапливается углём да водою из артезианских скважин, нагреваемой ближними котельными. В данный момент меня интересует другое: чем мы можем накормить и одеть людей в течение нынешней зимы, чтобы они своим трудом могли обеспечить экономический рост в суровых условиях Великого Ледникового периода?

– Инесса Власьевна! – развёл в удивлении руками зам по продовольствию. – Или вы запомнили, что специальным постановлением пленума Всеединой партии, было решено в прошлом году направить в некоторые области средней полосы Росланда, которые подпольные националисты архаично называют то Россией, то Русью, стада ненецких оленеводов? И вот уже около года по всей нашей великой отчизне, которая уже свыше пятидесяти лет в зимнее время находится под ледовым панцирем, пасутся стада северных сохатых красавцев, питаюсь одним ягелем. Мясо их очень питательно, а шкуры весьма теплы. Вот вам и еда, и одежда, а при непредвиденных обстоятельствах и чумы. Не могу надивиться на мудрость делегатов пленума, и в частности, Вашу Инесса Власьевна. А так же на вашу твёрдость и решимость в отстаивании вашей позиции. Ведь именно ваша пламенная речь склонила ещё сомневающихся делегатов в этом наивыгоднейшем проекте.

– Ах, Аполлон Кузьмич, Аполлон Кузьмич. Как вы были, лукавым царедворцем, так и остались, – губернаторша подошла к бюро, упёрлась животом в перевязанную шпагатом кипу бумаг и взяла со столом телеграфную ленту. – Вы, видимо, ещё не знаете того, чем обернулась эта авантюра? Именно, авантюра! Вот смотрите – срочное сообщение: в Камешковском, Суздальском, Ковровском, Вязниковском, Гороховецком районах, а так же в Ивановской, Костромской, Кировской, Нижегородской, Ярославской и прочая областях, где на месте кое-где сведённых лесов, бродят олени, сегодня ночью к уже существующим присоединилась очередная группа северных волков. И эта группа очень многочисленна. Где – многочисленна?! Она фантастически многочисленна! Примерно, вслушайтесь только, около десяти тысяч. Облёт местности на цеппелине показал, что волчи стаи располагаются вокруг оленьих стад, правда, их пытаются отпугнуть ненецкие шаманы, иступлённо колотя в бубны, но это никакой пользы не приносит. Прибывшие волки, объединившись со старыми и, от этого почувствовав наглую уверенность, уже окружают города и посёлки области, наводя на местных жителей панику. Самые отважные жители берданками их отпугивают, так что волки пока не решаются заходить в населённые пункты. Видимо, им пока достаточно оленины, которую они, между прочим, поедают в чудовищно большом количестве, что в свою очередь угрожает, утверждённой партией, продовольственной программе. Плюс к этому нынешней ночью они предприняли попытки нападения на фермы, где взращиваются, выведенные нашими селекционерами специально для условий суровой зимы, мохнатые свиньи, а так же покрытые шерстью коровы. Слава Богу, сторожа пулемётами отогнали непрошенных гостей, но если волки продолжают прибывать, а, я не сомневаюсь в этом, то, если не принять срочных мер, поголовью скота в скором будущем может быть нанесён невосполнимый урон. А это таит уже в себе угрозу голода. А там и до неповиновения недалеко. Вы понимаете? Народ терпит, терпит, а потом очнётся от пьяного угара, и вспомнит, что жить он мог бы не хуже нас, не ютиться в скученных бараках, а жить в отдельных квартирах или домах, не есть плесневелые сухари с просроченными крупами и макаронами, а питаться хлебом с достаточным количеством мяса и молочных продуктов. А тут

как раз и возьмут его в оборот недобитые националисты или социалисты. Эти только и ждут какого-нибудь форс-мажора. Что вы теперь на это скажите?

– Уважаемая Инесса Власьевна, если сказать, что вы меня этим сообщением потрясли, то это будет слишком мягко сказано – ошарашено сказал Аполлон Кузьмич. Новость его и впрямь потрясла. Тяжело сглатывая слюну, он почувствовал себя раздавленной букашкой. – Волки, волки, волки. Я и раньше опасался этого соседства, но я не думал, что их число может возрасти до такого количества.

И Мухамиддинов ушёл в свои мысли.

– Значит так, – вдруг жёстко отчеканила губернатор, не находя для себя более субтильного способа, чтобы вывести зама из задумчивости.

Мухамиддинов вздрогнул. – Я кое-что предприняла. Я уже отдала приказ заму по охотоведческой деятельности, Ивану Васильевичу Кривоносу, чтобы он организовал добровольцев, которым за каждых убитых десять волков выдавали бы ящик суррогатной водки. Слава Бога этого добра у нас предостаточно. Так же им будут предоставлены два дня отгула. Но основные надежды, разумеется, связаны со вступлением эти в санитарные мероприятия полиции и воинских частей. Чует моё сердце, полумерами здесь не обойтись. Я телеграфом отправила срочные депеши соответствующим должностным лицам, а так же отослала депешу в Центр, чтобы, если будет в том необходимость, мне дали добро на использование армейских подразделений, базирующихся в области.

– Но ведь волки волками, но большие города нельзя оставлять без надзора силовых структур, – осмелился вставить слово Аполлон Кузьмич. – По жёсткой директиве из Центра, в каждом населённом пункте с не менее тысячи жителей должна находиться воинская часть любого рода войск. Иначе и нельзя. Агенты Службы Безопасности сообщают о возросшей активности подпольных антиправительственных групп.

– В том-то всё и дело, – барабанила пальцами по столу, ответила Инесса Власьевна. – Я вот, что думаю. Той части силовых структур, которую мы на время операции оставим в городах, будет явно недостаточно.

Контролировать население в полной мере мы не сможем. Тут нужен креативный подход. Кстати, вы знаете, как переводится слово *креативный*?

Зам по питанию и продовольствию закатил глаза ко лбу, пытаясь что-то вспомнить.

– Ладно, ладно, – прервала его мучения Ржевская. – Для начала выдайте населению удвоенный паёк, из уже просроченной гречи, полусъеденного молью риса, плесневелых сухарей, но консервы не должны быть просроченными. Вам это ясно? Ещё нам не хватало массового отравления. Можно и оленинки подкинуть. Это, что касается лично вас. От зама по культуре, Родиона Романовича Митрохина тоже зависит очень многое. В хорошо отапливаемых театральных балаганах должны постоянно после работы проходить культурные мероприятия: песни о первой любви, отбивание чечёток, поднимания тяжестей, фокусы с картами, перепиливание женщин, так же я думаю, в программу можно будет включить и танцы и песни шаманов. Словом народ должен почувствовать на себе нашу заботу, а сами эти развлечения должны развеивать всякое уныние и отсеивать ненужные мысли.

Губернатор строго поглядела на Мухамиддинова и кивком головы показала, что аудиенция окончена. Аполлон Кузьмич сделал учтивый поклон и, мягко, по-кошачьи, ступая по половику, держа под мышкой толстую папку, исчез за обитой кожей дверью. Как только дверь за ним закрылась, Инесса Власьевна, не спеша, подошла к окну и поглядела в него. День постепенно разгорался, скрадывая серо-сиреневые тона ночи, и морозные узоры, веселя глаз, перламутрово переливались. Дианы уже нет?.. Нет. *Но не пройдёт двух-трёх мгновений, Ночь испарится над землёй...* Закончилась ночь, пора мытарств и неведения, когда агония смерти и муки родов по внешним признакам представляют из себя нечто единое. Наверно, теперь, когда, восходит золото Феба, растворяя в хрустальной атмосфере звёзды, душе должно быть не так больно, ибо

кризис пройден и уже ясно, что не только рождение, но и смерть – это только переход к жизни нового дня, может быть, полного непостижимого света, превосходящего в мириады раз блеск алмаза Куллинан, некогда украшавшего скипетр Эдуарда VII. Может, тогда восславить начало солнечного утра орфическим гимном? Да, да! Именно! Орфическим! Эвое! Что толку, заниматься домыслами! Время покажет, что несёт это утро – славу или бесславие, благородство или подлость, торжество или трагедию.

Подпольные люди

8-е декабря. Вторник

Учитель сказал: «Цзюнь цзы (благородный муж)... должен так использовать труд народа (сяо жэнь), чтобы он не гневался не вышестоящих».

Конфуций. Луньюй.

Информация о нашествии волков неизмеримо быстро распространялась. Хотя репортеры писали в газетах, что хищников всего несколько десятков, но люди были научены на всякого рода утешительных заверениях, исходящих из правительственных изданий, и не очень-то верили официальным цифрам. Так уж повелось, если возникали какие-либо, будь то в области или в стране, катаклизмы, то власть обязательно преуменьшала подлинные масштабы. Уже в конце того же дня о нависшей угрозе шёпотом толковала вся область. В рабочих цехах мануфактур, зданиях депо, ткачихи на фабриках, шофёры, сантехники, учителя, врачи, мелкие юристы, служащие сбербанков. Если в больших городах люди чувствовали эту угрозу интуитивно, или сведения о ней доходила от шоферов, видящие в пути, как по полям рыщут волки, или от прибывших в город из сельской местности родственников, то жители мелких посёлков, деревень и хуторов соприкоснулись с этой угрозой непосредственно, замечая вдали большие стаи, слыша по ночам, как жалобно блеют овцы. По разному относились люди к этому факту. Одни реально опасались, что волки перегрызут всю скотину, а олени разбегутся кто куда, другие смеялись, ожидая от скучных будней пусть опасного, но интересного для вялого ума развлечения, третьи злорадствовали, мол, власть жила себе припеваючи, ничего толком не делая, вот теперь пускай почешутся пустомели. И при этом не понимали, что больше всего негативных последствий, связанные с волчьим нашествием, коснутся не власть имущих, а именно их.

На следующий день после беседы губернатора с замом по продовольствию, примерно в три часа дня, когда солнце уже начало терять высоту, по центральной улице Владимира, называемой Большой Московской, бодрым шагом шёл Алексей Рябинин, выше среднего роста плечистый молодой человек лет двадцати шести, прибывший из хутора Калиновый мёд, что находился в пятидесяти верстах от Гусь-Хрустального, и с зоркостью охотника и любопытством деревенского жителя, никогда не бывавшего в областном центре, озирает пестроту центральных улиц. Вот они, двух-трёхэтажные каменные здания, построенные в классицистском стиле, из которых некоторым было уже триста лет, где ныне жили, заседали и развлекались госчиновники и другие представители элиты, в которых располагались сбербанки, нотариальные конторы, платные клиники, элитные театры и магазины, а так же здесь были знаменитые, отделанные резцом и оглашаемые полногласием православные соборы и просто полные умиротворения милые церквушки, которые с недавних пор дополняли буддийский монастырь, имитирующий скалу с прорытыми в ней пещерами, пирамидальная индуистская шикхара, прообраз священной горы Меру, суфийская крошечная мечеть с площадкой для танцев «безумных» дервишей и конфуцианский храм с завитыми крышами, остроумно встроенный (разумеется, по законам фэн-шуй) в торговые ряды, а так же ряд иных христианских и нехристианских молевных домов.

На улице стоял мороз около сорока градусов. Навстречу молодому человеку постоянно встречались быстро идущие краснолицые люди. По тому, как они были одеты, он без труда в них узнавал представителей городской элиты: госчиновников, финансистов, бизнесменов, пожизненных депутатов законодательного собрания, архитекторов, частных врачей и крупных

юристов. Как правило, они были облачены в очень тёплые и красиво выделанные олени, куньи, и соболиные шубы, хотя у некоторых они были уже не новыми. Мужчинам головы прикрывали из дорогих мехов ушанки, женщинам – меховые кепки с откидывающимися ушами и изящные тёплые шапочки. Ноги мужчин были обуты в унты или толстые ботинки, женщин – в кожаные на тёплом меху сапоги с более или менее высоким каблуком. Нет, простой народ одевался попроще. На зарабатываемые талоны, он мог только приобрести, носимые по несколько лет, нагольный бараний тулуп, грубый трех и толстые валенки. Несколько рублей, получаемые сверх нормы были не в счёт. Вот может, после появления множества оленей появится возможность разнообразить свою одежду?

Вообще, одежда была наглядным показателем социального статуса, поэтому представители высшего класса, увидев кого-нибудь, одетого в «худые рясы», с не скрываемым пренебрежением кривили губы, что заставляло идущего навстречу прохожего делать вывод, что у них сильная зубная боль или им свело лицо от нервного тика. Неудивительно, что видя идущего сейчас по центру молодого крепкого человека, одетого в грубый бараний полушубок, подпоясанного кушаком и прикрывающего голову башкирским меховым малахаем, тем более с таким независимым выражением лица, где ясные глаза были лишены всякой фальши, а мягкая светлая борода, прихваченная морозным куржаком, придавала этому свежему лицу какую-то суровую мужественность, – прохожие, имеющие о себе слишком большое мнение, недовольно, зло дуясь и скрипя зубами, косились на него. Подумаешь, что смотрит так дерзко – охотник, наверно. Тем не менее, это ещё не повод, чтобы так возвышаться над установленной иерархией, и никакая его усмешка не отменит его низкого положения в обществе. И тоже, нашёл время слоняться по центру в разгар рабочего дня, где имеют право находиться только люди интеллектуального труда. Проходивший мимо полицейский патруль в мохнатых папах заинтересовался им и спросил у него мандат. Рябинин извлёк из холщового рюкзака, который у него висел на плече, тонкую с красной обложкой книжицу и показал подозрительно смотрящим на него трём задубелым лицам.

– По какой надобности во Владимире? – грубо спросил надменный молодой лейтенант, увенчанный чёрной папашой.

– К заболевшей сестре приехал, – ответил Рябинин.

– А чего в центре делаешь? – не унимался лейтенант.

– Так, с вокзала иду. Денег на автобус не хватило, – уж как можно жалостливо ответил молодой человек, понявший, что здесь он не хозяин.

– А где сестра проживает?

– На шестнадцатой барачной улице за пятым проездом. Это, если перейти Кольцо.

– Долго тебе, однако, топтать, – сказал начальник патруля, отдал документы и, кивнув двум стоим подопечным, пошёл с ними дальше.

Ух, пронесло, подумал Алесей. Как будто пуд с души снял. Вот если бы стали выяснять про сестру, которой не было, тогда считай, попался бы прямо в голые руки. Слишком легкомысленный он придумал предлог. Лучше надо было всё-таки сесть в автобус. Да денег в самом деле почти не было. Всё истратил на поезд. Слава Богу, центр уже заканчивается, а там, в остальной части города, патрули хоть и ходят, но не так придирчивы, как ему сказали. Чего им придираться, когда кругом трущобы с мануфактурами? Люд там всё чёрный, чья жизнь – копейка. Вот ещё нужно с грязью возиться, коль они уже опасность для лучших людей не представляют!

Переходя за черту центра города, будто попадаешь в другой мир. Вначале тебя окружали величественные здания и храмы, потом обступает огромный хаос лагерных бараков, машинных мастерских и убогих производственных корпусов. Говорили, раньше были кирпичные и панельные дома, но их разрушили, так как отапливать было накладно. И большие заводы заброшили. Эко, попробуй протопи такие помещения! Правительство решило, что проще, когда люди

будут по несколько семей жить в одном бараке и работать в низких полусветлых мастерских. Какая экономия для электричества! Ведь ныне в Великий Ледниковый период электричество на вес золота. Даже элите приходится в чём-то себя ущемлять. Атомные станции из-за отсутствия сырья и обученных специалистов, так как класс образованных людей сильно деградировал, стоят не у дел, охраняемые сторожами с пулемётами и злыми волкодавами. С ГЭС и ТЭС такая же катавасия. Практически в каждой области вырабатывали энергию на оборудовании, которое составляло исключительно их *ноу хау*. Например, единственная во Владимирской области маломощная кольчугинская электростанция, работающая на подручном сырье кое-как обеспечивала энергией область, прежде всего правительственные здания, жильё элиты и производственные заводи, являющимися локомотивами промышленности.

Алексей шёл быстро, чтобы поспеть, хотя знал, что вовремя не сможет прийти, при этом следил, нет ли за спиной хвоста. Кажется, нет. Живущий среди природы, постоянно ходящий на охоту на зверя, он и сам усвоил повадки дикого зверя: его нюх, зрение, слух. Пройдя улицу Большую Московскую, поднявшись по Дворянской, свернул влево и скоро, лёгкой походкой охотника, пошёл по Ельцинскому проспекту, который раньше был Ленинским. Одолев его за двадцать минут, наконец, повернул на улицу Чапаева и, пройдя немного по ней, очутился возле большой с несколькими боксами автомастерской, где производилась сборка из разных частей авто машин, требующихся для хозяйства. Он должен был, как было указано в записке, которую он запомнил, не доходя до закреплённой металлическими уголками, дэвэпешной будки проходной, повернуть налево, пройти двести метров вдоль бетонной стены и, упёршись в тупик, обнаружить человека. На условленный пароль человек должен был отозваться и отвести его в тайное помещение. Так он и сделал, увидев будку с крошечным окошечком, повернул направо, прошёл вдоль стены и обнаружил человека неопределённого возраста, который явно его заждался, и проявлял признаки беспокойства и, уже начинающий замерзать, постукивал валенком о валенок. После пароля и ответа, человек, с отталкивающим угрюмым лицом, повёл Алексея за собой, юркнув в щель противоположной стены, где была тёмная нора. Потом они стали спускаться по бетонной лестнице с разбросанной металлической стружкой, которая так промёрзла, что даже почти не звучала, когда её, задевая, спихивали на нижние ступени. Рябинин подумал, как тут оказалась стружка? Может, бак с нею выносили, да и просыпали? Когда лестница кончилась, они пошли куда-то в темноту. Но шли они недолго. Уже через минуту впереди забрезжил свет.

– Вот мы и у цели, – сказал человек, широко осклабившись, толи от удовлетворённости собою из-за выполненной им миссии, толи он так пробовал размять задубелые мышцы на лице.

Когда они приблизились, Рябинин увидел пятерых людей, молча сидевших на ящиках из досок, лица которых тускло освещала керосиновая лампа, стоящая на другом ящике. Вообще ящиков тут хватало. Размер самого помещения трудно было определить, так как стены и углы терялись во мраке.

– Заждались мы тебя, – вместо приветствия сказал лобастый морщинистый мужчина лет пятидесяти. Он, потирая друг о друга заскорузлые рабочие ладони, кивком предложил сесть рядом. Человек, который привёл Алексея, ушёл тем же путём, очевидно на дозор. Алексей сочувственно подумал, ведь он же совсем замёрз!

– Я говорю, что здорово запоздал ты, – повторил лобастый, видя, что Рябинин не отвечает.

– Поезд в пути простоял полчаса, ожидая встречный товарняк. Потом шёл по городу пешком. Не на что было доехать, – бордо заголосил Алексей, садясь.

– Ты потише тут, особо голос не повышай, – обрубил его мужик с глазным тиком. – Уши есть даже у стен.

– Да, брат... Алексей... Рябинин? – вопросительно глянул лобастый. И получив утвердительный ответ, продолжил. – Времена такие, Алексей. Видишь, как мыши, забились под-

пол... Мда... Человек от Ртутьева говорит, на тебя можно положиться. – Сказал он и пытливо посмотрел на Рябинина.

– Говорит, когда Ртутьев был с агитацией в Гусевском районе, чуть не попал в лапы легавых, да ты выручил да таким ловким способом! Говорил, находчивости этому парню не занимать. Когда же поговорил с тобой основательней, оказалось, и ты никогда не пел гимны нашей тухлой власти и, соответственно, Всеединой партии, интересы её выражающей.

– В этом я не одинок, – сказал Алексей. – Из простых, пожалуй, сочувствующих власти и не сыщутся, разве что полные кретины. Другое дело, что бояться.

– Это ты верно сказал, – нахмурился лобастый. – Все под пятой стонут, а чтобы скинуть этот балласт – дюже трусят. Но так было не во все времена. – Он поднял корявый указательный палец вверх. – Теперь, парень, переходим к делу. Времени в обрез. Через двадцать минут мы должны быть на своих рабочих местах. Неспроста мы тебя оповестили через районную ячейку. Слышал, что невиданное нашествие волков намечается на область?

– Дядя, я не то что слышал, я их сам на хуторе видел, даже постреливать пришлось, чтобы отогнать от тына.

– Ух, ты! Всегда я завидовал деревенским, – отозвался улыбчивый молодой парень, который сидел в углу. – Вишь, Андрей Григорьевич? Им-то разрешается иметь ружья!

– А как же им не разрешить? – удивительно посмотрел на него лобастый, названный им Андреем Григорьевичем. – Ты как из первого класса. Кормить-то они себя должны? А продуктов выдают вдвое меньше против нашего. Экономно же. При этом у них свой лимит. А положенный продуктовый оброк, что получают от своего хозяйства, обязаны в срок на государственные нужды сдать, в том в числе и лесным зверем и птицей. Но часто и оштрафовывают, если докажут, что зверя для себя сверх нормы били, и в качестве штрафа вообще могут ничего не дать, да ещё прибрать пушнину. Но всё же ты прав, Котька. С ружьями как-то веселей.

– Да с ружьями веселей, – засмеялся Рябинин и погладил рукой свою светлую бородку. – А теперь давайте вернёмся к начатой теме, коль время дорого. Я так понимаю, в штабе с этим нашествием связываются какие-то надежды.

– Это как карта ляжет. Если понагонят военных и быстро разгонят волков, то надежд практически никаких. Но если протелятся, не хватит ума, смекалки, тут нам все преимущества. Народ и так ненавидит эту преступную власть, а тут ещё такое! Хаос и паника. Если дело пойдёт в нашем регионе, то огонь перекинется на другие области. А там уже и за Центр можно хвататься, за какой бы Китайской стеной он не прятался.

– Кириллыч, – обратился Андрей Григорьевич к рядом сидящему мужику с окладистой чёрной бородой, похожего на попа. – Вынь-ка инструкцию.

Кириллыч, порывшись в темноте, достал папку: – Вот.

– Теперь, Алёша, слушай, – перехватив папку и заговорщицки понижая голос, заговорил Андрей Григорьевич. – Здесь план действий в зависимости от ситуации. Это должно находиться только при тебе. На месте донесёшь информацию до верных людей, чьи квартиры там указаны, чтоб они знали, как в том или ином случае им действовать. Понял? Держи. Как стемнеет, тебя отсюда до Гороховца на своём грузовике доставит Жуков, – показал Андрей Григорьевич на кряжистого спокойного с однодневной щетиной мужика, несмотря на крепкий мороз прикрывшего голову изношенной кожаной кепкой, и тело его укрыто тоже было каким-то потёртым кожухом, но только явно на толстой тёплой подкладке.

– Фамилия-то как у полководца Великой войны! – как ребёнок обрадовался Алексей.

– До семи вечера побудешь здесь, – не обратил внимания на его восторг Андрей Григорьевич. – Мы тебя сейчас покормим. А в семь отбудешь. Пост должен проехать нормально – папка будет засунута в хитрый отсек под сидением. У Жукова как раз выправлена путёвка до Гороховца, детали кое-какие отвести в мануфактуру, в ту самую, что изготавливает детали

для тракторов и танков. Ты будешь вторым шофёром. Путёвка и документы уже выправлены. Править можешь? Ртутьев говорил, что можешь.

– Да приходилось рулить. И на грузовике, и на легковушке. Думаю, если будет в этом необходимость – справлюсь.

– А вот тебе харч, – уж не побрезгуй нашей рабочей пищей. – Эй, Котька!

Котька, лыбясь, расторопно подвинул ногой пустой ящик и вынул сумку, из которой достал котелок гречневой каши с тушёнкой и мешочек сухарей.

– Извини, Алексей, чуть-чуть остыла, – сказал Андрей Григорьевич. – Но чай я тебе сейчас на паяльной лампе подогрею. А вы ребята давайте расходитесь. Значит, Лёш, с тобой до вечера будет Чирей. Это тот, что тебя сюда привёл. Он, как термит древесный, тут все выходы знает. Котька, позови-ка его. А ты ешь, ешь.

– Будет сделано, – отозвался и, дурачась, взял под козырёк Котька, весёлый, немного заполошный, похоже, живущий одним днём парень.

– Да тихо ты, дурень. Ещё не хватало, чтоб нас тут приметили.

– Клим, – обратился Андрей Григорьевич к мужику глазным с тиком, уже собравшемуся с другими мужиками уходить. – Начальнику участка скажешь, что мы за вами идём, уже почти перебирали карбюратор от «вольво».

Пока Рябинин скрёб ложкой и жевал с удовольствием кашу, а Андрей Григорьевич умудрялся на малом огне лампы виртуозно греть жестяной котелок с чаем, появился Чирей в сопровождении Котки.

– Вот, Алексей, до вечера это твой ангел-хранитель.

С набитым ром Рябинин утвердительно покачал головой, как бы говоря: сойдёт.

– Ну, а мы пойдём. Дай Перун, чтобы всё намеченное осуществилось. Слава Роду! Идём, Котька. Все уже ушли.

И они, обходя ящики, быстро и бесшумно, словно призраки, растворились во тьме.

Чудовище

8-е декабря. Вторник

The bank – monster has to profits all the time.

It can't wail. It'll die.¹

J. E. Steinbeck. The Grapes of Wrath.

В этот же день в десять утра в холле центрального сбербанка встретились двое чиновников: Никита Ростиславович Верный, зам губернатора по финансам и кредитной политике и Вера Харитоновна Лизкова, зам по идеологии и работой с молодёжью. Лизкова, грациозно скинув с себя новую норковую шубу, отдала в руки малому с кошачьими усами, выполняющему в холле различные, в том числе и швейцарские функции.

– Дорогая, Вера Харитоновна, я только что от патронессы, – заверещал Никита Ростиславович, одетый в соболиный полушубок. – Она рвёт и мечет, говорит, что без экстренных мер, волки могут обрушить всю экономику нашей славной Владимирской земли. Я надеюсь, это не шутка? А то, может, этих волков нагнали, чтобы на Новый год, кроме остальных забав, можно было бы ещё и поохотиться?

– Да, уж, Никита Ростиславович, на Новый год мы тут все позабавимся! – сказала Лизкова со злой иронией на поношенной физиономии. – Освобождённая от шубы, она осталась

---

¹ Банк – чудовище – должен получать прибыль всё время. Чудовище не может ждать. Оно умрёт. (англ.) Д. Э. Стейнбек. *Гроздь гнева*.

в выгодно подчёркивающее её округлости алом шерстяном платье с кружевными подолом и манжетами.

Верный, Дон Жуан со стажем – недаром имел изящную эспаньолку и зелёные с поволокою глаза – про себя отметил: фигура что надо, но характер у бабёнки скверный, очень скверный. Наверно, потому и живёт одна, каждые полгода меняя любовников. И уже вслух обращаясь к собеседнице:

– Нет. Вы, в самом деле, думаете, что всё так скверно?

– Мне кажется, эти волчьи пасти, – трунила она над замом по финансам. – Сожрут всю банковскую систему. Хорошо, что в основном собственность я имею в недвижимости. А то так можно зубы на полку положить.

– Э, постойте, постойте, – старался собраться мыслями Верный.—Эти волки, что они могут такого страшного натворить? Я думал раньше, что подобные бедствия, например, типа войны, наоборот могут банкам принести прибыли?

– Не знала, что человеку, курирующему финансовую деятельность, придётся объяснять триюзмы. – Скалила свои ровные, но уже потемневшие от никотина зубы, эта ехидна в юбке. – Поймите же, как известие станет достоянием народных масс, а это произойдёт не сегодня-завтра, все они ринутся в районные сбербанки, забирать сбережения, которые они там поместили. В отдельности вклады их ничтожно малы, но в совокупности все их вложения представляют большую сумму. Но самое страшное будет тогда, когда свои огромные вклады в деньгах будут забирать госчиновники, бизнесмены и остальная элита. Ведь в критических ситуациях, увы, такова психология человека, люди, не доверяя банкам, предпочитают держать деньги «в чулке».

– Но ведь тогда... всё полетит в тартарары. Банки разорятся, – воскликнул уже обеспокоенный Никита Ростиславович. – Рубль упадёт в цене. Золотой запас, о котором, кстати, Центр ничего внятного сообщить не может, его не спасёт. Только доллар отделается чихом.

– То, что он повысится в десять раз, вы называете чихом?! Святая простота! Или вы прикидываетесь таким?. Не пойму я вас что-то.

– Вера Харитоновна, вы меня опозорили хуже некуда. Американцы на Марсе (но сведущие люди мне объяснили, что их отправили не на Марс, а в какую-то область сужения, в чёрную дыру, что ли), а валюта их осталась здесь. Что я? не понимаю, что ли, что наши вожди, из-за привычного его сосуществования в нашем отечестве, не решились его аннулировать. Но должен же быть какой-то приоритет к национальной валюте! На кой ляд нам эти зелёные бумажки, когда страны, породивших их уже не существует.

– Ну и что, – с хриплым смешком урезонила Лизкова. – Это ровным счётом ничего не значит. Доллар вездесущ и вечен, как господь Бог. От этих президентов, особенно от лупоглазого Франклина, масона четвёртой степени посвящения, который, кстати, и не был никогда президентом, – не избавиться, как от бесов, которые не уничтожит никакая молитва угодника. Святые здесь бессильны. И вот уже вместе с рублями его печатают в Центре. И этот приоритет остался за Священным печатным станком Росланда. Так решили *кто-то* в Калифорнии, поставили печать и подписали. И этого оказалось достаточно. И ведь что удивительно? Без малого тридцать лет в Китае отпечатанный у нас доллар имеет такое же хождение, как их юань. И ничего с этим не поделаешь. Такова конъюнктура на сегодняшней момент. Видно, опять они там, в Центре повысят доллар. Но кому по-настоящему кому не позавидуешь, так это мелким и средним предпринимателям, которые взяли крупные кредиты. Опять пойдёт волна самоубийств.

– Но, дорогая, Вера Харитоновна, может, не так всё скверно, – всё ещё пытался противиться грозному сценарию Никита Ростиславович, скидывая полушубок на кресло и ослабляя на шее узел малинового галстука.

– Может, и не так, – но моё правило: в двери стучит беда – готовься к худшему, – сказала Лизкова и, достав пачку сигарет с чёрным драконом, сунула одну сигарету в ярко покрашенный рот, потом крутанула колёсиком по кремню зажигалки и от вспыхнувшего огня прикурила, манерно глубоко затянувшись, втягивая нарумяненные щёки, и отошла в сторону окна, где росла чахлая пальма с необычайно волосатым стволом.

Вдруг, быстро открывая скрежещущие с мутными стёклами двери банка, в холл буквально вбежал мэр Владимира Тиммо Аалтонен. На нём был забавный национальный зимний наряд народов севера. Вплоть до колен его закрывала оленья шуба с вытисненными на ней национальными узорами. Сапожки всё из той же оленьей шкуры так же на голенищах были украшены какими-то причудливыми узорами. Маленькая голова утопала в специфическом чепце из песка, где по бокам болтались длинные шнурки с пушистыми шарами. У мэра были дико, как от передозировки свечей красавки, выпучены глаза. Он остановился между Лизковой и Верным, не зная к кому из них обратиться.

– Что с вами, Тиммо Илларионович? – выпуская сизую струю и подходя к нему, озадачилась, глядя на его костюм Вера Харитоновна. – Уж не собираетесь ли вы нам станцевать нанайский народный танец? Или симитировать что-то вроде борьбы нанайского мальчика с медведем. Ха, ха. Ой, извините.

– Это правда, что волки собрались напасть на Владимир? – не обращая внимание на её ёрничество, выпалил не на шутку перепугавшийся мэр.

– Ну, ну, – успокойтесь, примите валокордин, у меня в сумочке есть, – нежно заворковала зам по идеологии. – До Владимира вряд ли они дойдут, а вот районы, от них могут пострадать.

– Вера Харитоновна, это чистая правда? До Владимира они не дойдут? – с улыбкой облегчения спросил Аалтонен. – Вы ничего не скрываете от меня?

– Клянусь всеми богами, которым молятся во Владимире, это истинная правда, – поклялась Лизкова, положив правую руку с длинными ногтями на сердце.

– Фу-у, воды здесь где-нибудь можно взять?

Верный щёлкнул пальцами, и через минуту небрежно одетая и некрасивая девушка с завитыми соломенными волосами, сотрудница банка, несла мэру стакан воды. Не снимая свой шаманский колпак, он жадно выпил воду и отдал стакан обратно, от волнения забыв поблагодарить сотрудницу.

– А меня, представляете, Елизар Матвеевич огорошивает «Через три дня во Владимире будут волки», такого страху нагнал. Какие волки! Что за бред! Мне надо город готовить к Новогодним праздникам.

– Здесь, Тиммо Илларионович, я вас вынуждена огорчить, – сказала Лизкова, туша бычок о стенку кадки, где росла пальма. Потом она положила окурочек в кадку, вынула зеркальце и, глядя в него, пожамкала губами, чтобы равномерно распределить помаду. – Масштаб нашего события такой, что праздники придётся отменить. – И наивно глядя на мэра: – Или вы полагаете, что Владимир как *частное* как-то отделён от Владимирской области как *целого*? Туго у вас с диалектикой, однако.

– Но кстати, о решительных действиях, о которых обмолвилась губернатор, – вдруг решил ввести в разговор оптимистическую струю Никита Ростиславович. – Наверно, будут задействованы войска. Или это военная тайна?

– Никакой здесь тайны нет, – ответила всегда верно ориентирующаяся в гуще событий зам по идеологии. – Инесса Власьева мне сказала, пока попробуем обойтись членами Обществ охотников и местными фермерами. С войсками есть известные риски. Они будут использованы только на крайний случай. Тьфу, ты! Совсем вы меня с толку сбили. Я же пришла сюда свои сбережения забрать. Надо скорей что-то приобретать, например, алмазы в «Спальне Венеры».

– Зачем вам алмазы? Всё равно они там фальшивые, – удивился зам по финансовой политике.

– Ну и что?.. Они что, по-вашему, денег не стоят? А при кризисе, глядишь, увеличатся в цене. Потому что и в кризис всегда найдутся люди, которые жаждут наслаждений. Вспомните Древний Рим. Катутла. Или кто там у них был в кризис? И неважно, что антураж этих наслаждений будет обставляться блестящей и фальшивой мишурой.

И с этими словами пошла в зал с кассами, вызываяще виляя задом.

Когда она отошла на достаточное расстояние, чтобы она не могла слышать, Верный, глядя на неё масляными глазками, восхищённо проговорил:

– У «Фиалкокудрой» Сафо есть стих. *Сладкое яблочко алеет на ветке высокой... Забыли сорвать его люди. Нет, не забыли сорвать, а достать не сумели.* Поэтому яблочко-то уже не ахти какой свежести. И всё-таки баба то, что надо. И далеко не дура! Мм. (Верный блаженно закрыл глаза.) Умница! Представляете, всё ей сходит с рук – и спекуляции и взятки.

– Так она же подруга губернатора, – простодушно ответил мэр, так и не снявший своего колпака. – Составляет ей гороскопы, гадает по руке и на кофейной гуще.

– Вот именно. Это называется, найти правильный подход... – и вдруг обернувшись к мэру, поинтересовался. – Не сочтите за нескромное любопытство, а вы-то зачем пришли?

– Я хотел увидеть срочно Веру Харитоновну (встретившийся мне навстречу Аполлон Кузьмич сказал, куда она пошла) и услышать от неё подтверждение или опровержения своих опасений.

– А-а! Ну и что? Всё вам теперь ясно.

– Ничего не ясно! – сказал Аалтонен и повернул к выходу.

– Кстати, остановил его Верный на десятое число в час дня в «Малахитовом зале» будет заседание с губернатором. Вы тоже приглашены.

Мэр покорно мотнул головой и открыл дверь банка.

– Вообще-то мне тоже не мешает закрыть свои книжки. Собственно, за этим и пришёл, – сказал сам себе Никита Ростиславович. – Странно, почему мэр не пошёл к кассам, или новогодняя свистопляска выбила из него последние крупницы здравого смысла?

Лишь он собрался повернуть в зал, как услышал скрип двери и увидел входящих в холл зама по науке, Валентиновну Львовну Махно и зама по экономической политике, Елизара Матвеевича Кравчука. Опа! Усмехнулся зам по финансовой политике, клянусь свиньёй-копилкой, которую мне подарила в пять лет бабушка, эти тоже возьмут все сбережения. Какая быстрая реакция у наших замов! А к обеду, глядишь, подтянется остальная братия «королевской гвардии». Прощай, мой милый старенький банк! В течение стольких лет ты был мне надёжной опорой! Вечером тебя опустошат, как внутренности мумии фараона, только в отличие от фараона тебе это ритуальное потрошение ровным счётом не вернёт былого блеска и святости. Бедный, бедный Аскольд Бенедиктович! Твоё детище умирает прямо на глазах от алчности власть предержащих! Я вместе с тобой скорблю. Но, увы, это законы рынка! И никакой святости! Лишь ритуальные жертвы, где звучат печальные голоса хора из «Аскольдовой могилы».

И быстро зашагал в сторону зала с кассами.

Невисячие сады Семирамиды

8-е декабря. Вторник

С муравьями и шелестом листьев,
Этот замкнутый сад лабиринт.

Владислав Герасимов.

В центральном ботаническом саду, где из-за слабого освещения и недостаточного тепла хило цвели тропические растения, Инесса Власьевна поливала из лейки её любимый куст розовых гортензий. На губернаторе было синее крепдешиновое платье в белый горошек, с накинутым на шею розовым кокетливым фартучком. Находясь в этом месте Ржевская, казалось, отходила от всех душевных тревог. Пусть настурции, всевозможные орхидеи, гардении, прекрасные цветущие кактусы, лианы, монстеры, фикусы не так изящны, не так велики, а порой некоторые из них удручают своим болезненным видом, но всё равно директору сада Ашоту Варгановичу Мирзояну довелось совершить подлинное чудо, можно сказать ботаническую революцию местного масштаба. Благодаря его прививкам и обогащением химического состава почвы, которая благотворно влияла на корни изнеженных видов, многие и многие растения радовали зрение своей неземной красотой.

– Да, когда я здесь пребываю, мне кажется, я вновь обретаю утраченный Эдем, – воодушевлённо сказала себе Инесса Власьевна.

В данный момент в саду, высоком стеклянном помещении площадью около двух тысячи метров никого не было. Губернаторша проходила по дорожкам, усыпанных гравием, и не могла налюбоваться на экзотический пейзаж. Если бы было можно вечно жить где-нибудь на Юге!.. Но увы, многие некогда прекрасные острова уже стали морским дном. О, роскошные Гавайи, где вы? А Канары? А острова Полинезии? Вам только остаётся сказать печальное *прости*. На лазурном берегу некогда существовавшей Франции гуляет холод. Юг же Азии слишком дик. Тем более мы с ними находимся практически в состоянии войны. Остаётся предаваться только мечтам! Только мечтам. И этот тропический рай самое лучшее место для подобных занятий. Ах! Как всё здесь мило, идиллично!

Вдруг постучали в дверь. Не дожидаясь ответа, в приоткрытую дверь заглянул горбатый нос и полные чувственные губы Ашота Варгановича, скорей похожего на шеф-повара армянского ресторана, чем профессионального ботаника, защитившего диссертацию о буквальной идентичности строения цветочного пестика и женского полового органа.

– Инесса Власьевна, к вам просит зайты Родыон Романович.

– Да, спасибо, – я ему как раз назначила встречу, – не отрываясь любоваться от ботанической растительности, сказала она. – Пусть заходит.

Директор ботанического сада исчез, и вместо него в дверях показалась упитанная дрожащая под мятым мешковатым костюмом фигура добрейшего Родиона Романовича Митрохина, зама по культурной политике. Он неловко протиснулся в дверь и, чего-то смущаясь, пошёл навстречу патронессе.

Когда он подошёл к ней на расстояние метра, она в это время, неуклюже сев на корточки, от чего её солидный таз ещё больше раздался в размерах, рыхлила тяпкой землю вокруг небольшого лилового рододендрона.

– Извините, Родион Романович. Две минуты и я буду готова для важного с вами разговора.

Однако она возилась не две минуты, а целых десять, полностью поглощённая своим занятием. Наконец, губернаторша закончила и попросила Митрохина, чтобы он ей помог встать.

– Ой, спасибо, – произнесла она, отряхивая короткие пальцы от комочков земли. Она прошла к ближайшей раковине и тщательно вымыла там руки.

Потом она вдруг увидела, что на китайской розе слегка поникли бутоны, ахнула и устремилась к ней. Остановилась возле неё и стала ей сетовать:

– Что же ты, милая моя! За тобой ухаживаешь, поливаешь специальным раствором, а ты вновь за своё! Нет, подружка, так не пойдёт. Чтобы через три дня ты снова радовала мои глаза!

Митрохин, который всё это время покорно следовал за нею, был вынужден выслушать и эту причуду шефа.

– Что ни говорите, Родион Романович, – вздохнула Инесса Власьевна.

– Цветы, особенно вот эти, экзотические цветы – существа иного свойства. И материя их более тонкая, и благоухают они чарующе. Порой мне кажется, что это космические пришельцы. И если это так, то я представляю, как прекрасна их далёкая планета!

Не зная чем поддержать эти романтические фантазии шефа, Митрохин уныло ковырял толстой подошвой своего ботинка гравий.

– Родион Романович, – вдруг обратилась она к нему. – Не находите ли, что здесь очень красиво? Ведь вы же ответственный по культуре, той сфере, которая порождает пусть искусственную, но красоту! *Отнимающую аромат у живого цветка*. Как вы думаете, нужна человеку райская красота?

Губернатор была явно в ударе, и это сильно смущало Митрохина. Он не нашёлся ничего лучшего сделать, как бессмысленно и беззвучно пошевелить толстыми губами.

– Я вам по секрету скажу, – перешла на более умеренный тон Ржевская. – Пусть Дворец Правления во многом убог, пусть в банке чахлые пальмы, пусть в ресторанах подчас беззубые официанты, пусть дома элиты не так изящны, как это было в начале века. Что поделаешь, климатические катаклизмы внесли свои поправки. К сожалению, мы ограничены энергией и способами добывания ресурсов. Но ради того, чтобы здесь был вечно цветущий рай, я готовая на некоторые растраты. Ведь красота спасёт мир, как сказал Толстой.

– Достоевский, – поправил Митрохин. И тут же пожалел своих слов.

Карие глаза губернатора заволкло серой пеленой.

– Впрочем, я вас сюда попросила прийти не для экзаменирования меня на цитаты великих.

Родион Романович хотел было возразить, что он её вовсе и не экзаменировал, а просто поправил, Господи, с кем не бывает, но всё же прикусил язык.

– От вас в эти напряжённые дни очень много зависит, – вдруг перешла на другую тему губернатор, и Митрохин услышал в её голосе жесткую интонацию. – Ваши помощники во всех районных городах и, разумеется, здесь во Владимире должны посредством театрального искусства отвлечь людей от проблемы, связанной с волчьим нашествием. Нам не нужны лишние проблемы, когда противоправительственные группы, пользуясь ситуацией, попробуют из всех сил взбаламутить людей, извратить любые действия правительства, опорочить глав силовых ведомств, использовать злобу отдельных недовольных в своих гнусных целях. Я знаю силу искусства. Восемьдесят лет назад было телевидение, интернет. Они магически воздействовали на массы. Но катастрофа уничтожила сами условия для существования этих средств воздействия. Но, слава Богу, ещё существует театр.

– Который теперь называется Театральным балаганом, – перебил губернаторшу Митрохин, и опять пожалел, что сунулся со своим замечанием, которое от него вовсе не ждут.

– Да, Театральный балаган, – напористо, гордо выпячивая свой бюст, заголосила нотой выше Инесса Власьевна. – Так решили в Центре! И я считаю, правильно решили. Массам не нужны в большом объёме серьёзные пьесы, сложная музыка. Их достояние – этот лёгкие песни,

цирковые номера, беззаботные танцы. Нет, нет, не бойтесь. Кто хочет пусть слушает классическое искусство, читает толстые книги, им никто не запрещает.

– Но в библиотеку ходят только по спецпропускам, – опять сунулся Митрохин. Но он уже не чувствовал неловкости, его от чего-то понесло. – Занятия классической музыкой не происходят вообще. Детей учат играть на музыкальных инструментах их родители, которых в свою очередь научили их родители. Серьезную музыку можно услышать лишь на старых кассетах и дисках, если они ещё не развалились от древности. Живопись познают по тем же древним слайдам. Вроде театр оставили. Но, Боже, какие ужасные пьесы идут, являющиеся лишь рупором партийной пропаганды.

– Что вы себе позволяете, – нетерпеливо ударив ногой о пол, взвизгнула губернаторша. – Вы идёте против эстетических принципов, утверждённой Всеединой партией. Наши ресурсы ограничены и мы не можем улаживать вкусы отдельных утончённых особей в том объёме, в котором им хотелось бы. Главное для нас это гармония в обществе, чтобы массы не требовали слишком многого. Они и так счастливы от примитивного искусства, зачем им забивать мозги какими-то ребусами? Во время катастроф имеет силу только незатейливое и простое. Типа палеолитических росписей пещеры Ляско. Так обществу легче объединится перед угрозой. А единицы, которые ходят эгоистично противопоставить себя обществу априори становятся изгоями. Это в лучшем случае. Если же они продолжают мутить воду, их уже уничтожают. И вот сейчас, когда огромное количество хищников вошло в область, все эти защитные функции общества должны выполняться неукоснительно и более жёстко. Ибо реальность угрозы слишком велика. Поэтому каждый должен не гоняться за призрачными мотыльками, не умиляться на свои химеры, способные его завести незнамо куда, а пребывать на своём месте. Рабочий должен находиться у станка, военный у охраняемых объектов, деятели искусства на сцене! Родион Романович, я уважаю ваши взгляды, но, несмотря на это, я ныне от вас – таково нынешнее положение дел – требую до последней буквы выполнения моего приказа по организации народных представлений. Я не случайно вас сюда пригласила. Чтобы вы не просто поняли, а наглядно ощутили, что есть красота для избранных, а есть красота для всех остальных. Большинству достаточно и кривляния паяца, и оно что-то может для себя подчерпнуть в этом представлении. Ведь у него завтра у кого десяти– у кого одиннадцатичасовой рабочий день, тонкая душевная организация, которую воспитывает серьёзное искусство, ему лишь пойдёт во вред, а соответственно и промышленности. Чтобы хорошо точить болванки, согласитесь, незачем слушать Баха. Здесь главное его развлечь, отвлечь, а не вводить сумбур в его душу. Только нам, немногим, положено сложным искусством развивать своё образное мышление и созерцание. Ведь мы – элита. Управленцы. Отсюда, в наши задачи входит осмысливать и анализировать общие процессы. Без разумного меньшинства не возможно существования, увы, часто, безрассудного большинства. Но впрочем, хватит вести эти разговоры. У меня уже порядком голова разболелась. Итак, моё последнее слово. Убедила я вас или не убедила, но вы будете вынуждены подчиниться приказу. Ибо этого требует целесообразность, дисциплина и закон. Или у вас ещё будут ко мне возражения?

Закончила Ржевская, самым бескомпромиссным тоном, отмечая всякие возражения. Митрохин с раскрытым ртом, как пойманная рыба, судорожно ловящая воздух, слушал безжалостную тираду губернатора и не мог придумать, чтобы ей ответить. А ответить нужно было. Но он в течение речи Ржевской растерял последние доводы.

– Ну, если возражений нет, – спокойно, как ни чём ни бывало, сказала Инесса Властьевна. – То я не смею вас больше задерживать.

И, вдруг охнув, пошла к очередному тропическому красавцу, не устраивающую её на этот раз своей раз вегетативной динамикой.

Бедный Родион Романович, багровый от стыда и смущения, бессмысленно оглядев эту тропическую красоту не для всех, нервно почесав вдруг страшно зачесавшуюся ляжку, дви-

нулся к выходу, с трудом соображая, где в области найти столько артистов, которые смогли бы развлечь своим мастерством массу безыскусных работяг.

Охотничья ватага

8-е декабря. Вторник

Стану я раб такой-то, к востоку лицом, к западу хребтом, на все четыре стороны поклонюсь.

Пособите и помогите мне, рабу такому-то, за охоту ходити, белых и серых зайцев ловити; куниц и лисиц, и серых волков, дорогих зверей рысей загоняти и залучати, чтобы бежали по своей ступи и по своей тропе, безопасно, на сторону не отмятывались и взад не ворочались.

Заговор на удачную охоту.

За сто двадцать вёрст от Владимира, где-то в Вязниковском районе, компания весёлых и отчаянных охотников зябко толпилась на лыжах за небольшим леском, прячась от неприятного, сушащего рожу ветра. Было десять вечера, и в вечерней темени вдалеке тускло кое-где светились огоньки деревни Солёный Жмых, которая находилась далеко в стороне от тракта, от того самого тракта, по которому, безжалостно дребезжа и на ходу теряя детали, носились гибридные, собранные из различных машин грузовики, а то и тракторы. На местных же просёлках можно было только видеть несчастных унылых лошадей, волочащих дровни и звонкие собачьи упряжки.

Вот по одному из такому просёлку, усеянному расклёванными воронами конскими яблоками, на одних из таких дровнях, впряженных в двух низкорослых и гривастых бурятских лошадок, сюда, к чёрту на кулички и прибыли представители Охотничьего общества «Вольный стрелок», что базировался в пригороде Гороховца, надеясь пожить за счёт областной казны. Именно сюда, по данным пилотов разведывательного цеппелина, должна скоро подойти одна из стаи волков.

– Ох, скорей бы! Заждалися! – А не мешало бы крикнуть для храбрости. А? – Не, Филатыч не разрешит. Говорит, задание партии. – А может, просто куражится? – Это Яшка его разозлил. Постромку порвал, когда врезался оглоблей в столб. Говорили ему, не умеешь править, не правь. Хорошо каким-то ремнём прикрепили хомут к вальку. – Игнат, ты лошадей-то хорошо привязал? – А как же! Вон они, Филатыч. Берёза хоть низкорослая, но крепкая. – Что толку, что крепкая! Если почуют зверя, бедненькие, измучаются, до земли копытами пробьют лёд. – Больно много ты знаешь, Хлур! Это же бурятская порода, у них в крови отчаянность, волк им нипочём. Чую, наши лошадки не раз бывали на волчьих облавах. – Филатыч, а кроме нас, кто-нибудь ещё сегодня будет охотиться? – Лавруша, ты меня удивляешь таким вопросом. Раскинь своими мозгами, если они у тебя, конечно, есть: с севера идёт целое полчище волков, которое со стороны и северо-запада, по границе с Ярославской, и с востока, по границе с Нижегородской областью, пытается окружить нашу область, и что, по-твоему, только одни мы будем охотиться на такую ораву? Неужто нельзя самому додуматься? – Говорят, армию хотят подключить. – А ты глупости, Лукьян, не верь. Всё это бабьи сплетни. У армии и своих делов хватает. Тоже мне сказал! Армию! За хороший паёк можно много найти охочих людей. – А вот, ей-богу, предложили бы мне цистерну водки, я бы один их всех перешёлкал. – Один?! Ну, ты Яшка загнул! – Как, Филатыч, справился бы я? — Лучше помалкивай, петух общипанный. – А чо ж, молчать-то. Чем больше болтаешь, тем больше дури выходит. Ну и пусть се выходит. Может, так и за умного сойду. – Все засмеялись, некоторые до слёз, которые тут же превращались в ледяные горошинки.

Прекрасное настроение не портил ни сорокаградусный мороз, ни предстоящая опасное предприятие. *Одену в руку рукавицу Горячую, как волчья пасть.* Ведь в случае удачи, всех ждало вознаграждение в виде ящика водки, сала и свежего хлеба да благодарности от обладминистрации, подписанной самой Ржевской.

Вожаком ватаги был выбран дед Чушев. Одетый в овчинный тулуп и такой же овчинный треух, он держался несколько высокомерно, и то сказать, не мальчик, как-никак восьмой десяток пошёл, на шутки старался не отзываться и не матерился, а только поучал пять вверенных ему мужиков, которые были такими же бывальыми промысловиками, имели такие же пристреленные дустволки и были одеты в такие же тёплые тулупы, треухи и унты.

– Ты, Буров, получше застегни тулуп, а то отморозишь то, чего не следует. Как я после этого буду глядеть в глаза твоей бабе? Флоров, взял ли ружейную смазку? Смотри, при таком морозе без смазки нам будет полный аминь. А ты, Юродов, чего всё материшься? Али не знаешь, примету: матью звериную кровь будоражишь, что нам сейчас ни к чему. Зотов, не вздумай курить у меня! Хоть и стоим против ветра, но зверь уж что-что, а махорку вонючую враз учует. А ты, Кулиш, говоришь, что твой предок был латышским стрелком? Что же так ласково, словно девочку-недотрогу, нежишь ружьишко-то. Это не баба тебе, с которой на печи тешишься, а оружие, которое кровь пускает, что твоя пиявка. Только той лечат, а этим убивают. И всем вам, ребята, не мешало бы подтянуть ремни. Чтобы сразу чувствовался тут порядок, дисциплина.

– А мне эта дисциплина, во как надоела! – огрызнулся Яшка Юродов, молодой придурковатый парень с заячьей губой. – В районных ли, в областных центрах везде патруль требует мандаты, спрашивают, мол, куда идёшь, зачем? А какое твоё дело, куда я иду! К бабе я своей иду, понял? Может, ещё с тобой пойти к моей бабе?

– Глупый ты, Яшка, – не зло усмехнулся в намёрзшие усы дед Чушев. —Нет у тебя понятия того, что власть не может без мандатов и вопросов. Ей надо точно всё о тебе знать. А вдруг ты внешний или внутренний враг? А по мандату всё понятно, харя там твоя наглая красуется да ещё с печатью под глазом, чисто фингал, который ты получаешь после пьяной драки.

– А какие у нас могут быть враги, Филатыч? – широко зевая и легкомысленно запустив в себе в рот морозный воздух, безразлично спросил Буров Игнашка, мужик серьёзный, с принципами, ибо являлся отцом многочисленного семейства, но дальше своего огорода ничего невидящий. – Если всё это не враки, то пиндосы сейчас на Марсе справляют какой-нибудь свой Хэллоуин, или День независимости, или чего-нибудь ещё?

– Эх, ты, валенок сибирский! Не хватает, Игнаша, тебе политической дальновидности. Вот смотри, все эти немцы, французы и прочие, когда их Гольфстрим приказал долго жить, да эксперименты с ихнем коллайдером подпортили им среду обитания, кто-то из них окочился, кто-то одичал, превратившись в пещерных людей, но у кого мозга работала, те повернули к нам. И вот они – уже часть нашего трудового народа, принявшие язык и обычаи, и по внешнему виду не отличишь, и матерятся так же смачно. Но существуют ещё китайцы, индусы, (про японцев я и не говорю – накрыло их остров в 2077 году огромного размера цунами, сами знаете). Ну вот, те чернявенькие да желтолицые, хоть у них и теплее, но из-за огромности населения, хотят часть сбегать на нашу шею. Вообще-то разумно рассудили: зачем им, мол, лишние рты кормить. И ничего не могли придумать лучшего, как эту ораву к нам отправить. И при этом, не попросив у нас разрешения. А это нехорошо, некультурно. Поэтому на кордоне постоянно постреливают. Это доблестные пограничники не дают пройти на нашу священную, политую потом и кровью наших предков, территорию армии косоглазых хунвейбинов. Самим же ведь жрать нечего. А ребята ничего, пускай стреляют, учатся воинскому искусству. Да и внутри, у нас кое-кто баламутит. Но эта особая песня.

– Филатыч, а как насчёт негров с арабами? Ведь были же раньше такие народы? – спросил Хлур Зотов, скуластый, с полными губами, средней, золотой мужичьей поры здоровяк, только

всё ещё холостой. Дед Чушев кивком одобрил любознательность Хлура. Но тут же стал мрачнее тучи.

– Не всё надо знать тебе, да и нам всем. Много будешь знать, скоро состаришься. Это забота государевых мужей. Скажу только одно: те что размножились в Европе, те окочурились от холода, а те что остались в Африке те от заразы какой-то померли.

– От мухи ЦЦ?

– Нет, не от ЦЦ. Хуже. Её к ним запустили американцы, когда ещё были на Земле, мол, плодовиты шибко. И с тех пор о них ни слуху, ни духу. Только отдельные, ходят слухи, бедолаги бегают голышом с копьями по всей Африке за слонами, видать, повредились умом. Что и не удивительно. Это ж какое надо иметь каменное сердце да стальные нервы, чтобы спокойно пережить практически полное вымирание родной тебе расы! Я вот вроде бы и не негр, а всё равно их жаль. Если их Бог создал, значит, и они для какой-то миссии предназначены. Я так это понимаю.

– Всё-таки странно это, был народ, и не стало народа, – меланхолично поддержал тему Лукьян Кулиш, верящей, что в его венах течёт кровь, можно сказать, его тотемного предка – безвестного латышского стрелка по фамилии Калныныш. Только где сейчас эти Калныныши, да и сами латыши? Одному Богу известно.

– А ты над этим особенно не задумывайся, – сказал, как отрезал, Чушев.

– Иной раз это вредно. А то уже получится не про народ, а про человека. Был человек, и не стало человека.

После этой угрожающей фразы, рьяно разминая в двухпалой варежке начинающие коченеть узловатые пальцы, Филатыч, смотря на теплящую лучины деревню Солёный Жмых, уже начальственным тоном проговорил: – Так, мужики, дело близится к полночи. Вон Медведица, бесстыдница, куда хвост свой задрала! Все знаете указания из Генеральной комиссии облцентра? Слушаться меня и только меня. А кто пойдёт против моей воли, тому, вот как Перун свят, обещаю просверлить дырку в груди. Только не для ордена, а чтобы дух из тела выпустить на волю. Уж не взыщите. Время такое!

– Да уж как не понять, – недовольно, но без раздражения проговорил Лавр Фролов, пожилой, на седьмом десятке, тощий и долговязый дед. – Тут ведь не просто охота, а дело государственной важности.

– Хоть раз от Лаврушки сподобился услышать что-то стоящее, – одобрил Филатыч. – А теперь за дело. Пусть каждый ляжет на установленном прежде месте и смотрит в оба. Волк, он хитрая тварь. Идёт тихо, когда надо не воеет и глаза к земле, чтобы зря не блестели, только носом следы нюхает. Не успеешь очнуться, как вокруг пальца тебя обведёт.

Чушев посмотрел на небо, «ишь, как вызвездило!» Малая медведица хвостом упиралась в Полярную звезду. Вправо от неё он приметил, если не ошибся, и крылатого коня Пегаса. Но больше ему нравился здоровый мужик Геркулес, который за кем-то всё время нёсся с дубиной. Но сейчас – не лето, и поэтому его не было видно. Ах, если бы сейчас было ласковое поцелуйное лето, с песнями, с покосами, а не зимняя лютая полночь! Звёзды холодно и колюче светились, казалось, своим холодом проникая под тулуп, в самое сердце. Странно было думать, что эти яркие точки, затерянные где-то в фантастических далях немислимой вселенной, являются сверхмощными светилами, способные одной только вспышкой в миллиардную долю секунды тысячу раз уничтожить жизнь во всей Солнечной системе.

– Ну как мужики, покажем серому Кузькину мать, – озорно прикрикнул Филатыч.

– Покажем. А как же. За тем и пришли. Пусть, сука, знает наших. Моя наказала, без волчьих шкур не возвращаться, – нестройно и разноголосом, – откликнулись пять голосов.

– То-то же, – одобрил Чушев.

В пути. Жуков и Рябинин

8-е декабря. Вторник. Вечер

Я стану ветром, странником в пустыне,
Овеянный легендой и костром.

Александр Красовский.

По бескрайней морозной ночной пустыни, чьи пути и беспутья, разбегающиеся во все стороны света, белели снегами и серели кое-где возникавшими лесочками, а уходящая над ней ввысь бездна леденяще-бездушно блестела мелкой астральной пылью, – бешено нёсся, выгалкивая из выхлопных труб ядовитые пары, железный зверь шофёра Жукова. Этот гибридный грузовик, собранный по частям и деталям из некогда существующих прославленных марок: «Форда», «Скании», «КАМАЗа» и прочих, имел вид первобытного монстра. Приборы на панели не работали. Спидометр, тахометр и топливный датчик не имели стрелок, предоставляя несведущему только гадать об их бывшем назначении. Водилы же точно знали, что именно эти приборы в своё время показывали. Но та эпоха, лучшая для мировой автоиндустрии, безвозвратно ушла в небытие. А теперь... Да хорошему шофёру, впрочем, показание всех этих приборов не нужно было и нафиг; он и так отлично чувствовал свою машину, ну прямо как своё тело. Вот примерно таким искусным водилой и был Жуков. Правда, когда его мастодонт подпрыгивал на буграх, кузов приваренный на веки вечные к железным балкам гремел металлическими болванками. И этот мёрзлый грохот наводил тоску больше, чем зияние равнодушных светил. Неулыбчивый, строгий и молчаливый, Жуков внимательно глядел на дорогу. Самопальная печка кое-как пыхла, и поэтому в кабине было относительно тепло, Рябинин даже немного покемарил. Вдруг Жуков бесцеремонно толкнул локтем Алексея в плечо. Парень очнулся.

– Вон, глади вправо! Видишь? – спросил безразлично Жуков. Рябинин, продирая глаза, сначала увидел мутно-фиолетовую хмарь, затем, приглядевшись и заметил, что на фоне этой хмари происходит какое-то мельтешение. Олени, догадался Рябинин. Он, как промышляющий на воле охотой, уже их много раз видел, так что для него тут ничего особенного не было. Иногда стада на обученных оленях сопровождали ненецкие оленеводы. А бывало – и волки. Ему прошлой ночью у себя на хуторе тоже уже довелось на них полюбоваться. Если волки в огромном количестве перешли границу области, то сейчас обязательно можно заметить и их, пасущих не хуже оленеводов стада сохатых. Так было испокон веков – где пища, там и едок. А вот и они самые. Легки на помине. Не теряя из виду стадо, волки сытые, но всё равно, как прилежные пастухи, не выпускали из обзора живую пищу. Свет фары осветил неторопливо перебежавшего, скалящего зубы и зло сверкающего глазами, матёрого волка.

– Чо зенки-то вылупил, блядёнш! – грубо выругнулся Жуков и его серые глаза сделались уже. – И не боится ведь. Чувствует силу. – сказал он, уже закуривая папиросу и предлагая Алексею. – Да, понапёрло едаков-халявщиков! Только не представляю, как они смогут помочь в нашем деле? Для меня это мудрёней мудрёного. – Сказал он, пуская едкую струю папиросы прямо в примороженное стекло без дворников.

– То есть это как?.. Обыкновенно, – Алексей затыкнулся и попытался объяснить, как он это себе представляет. – Огромное количество волков наведут здесь большой шухер. Волки же не ограничатся оленями. Будут нападать на фермерские хозяйства, неся угрозу продовольственной программе власти. Люди будут напуганы. И нашествие волков они свяжут с бездарностью власти. Это же губернаторша запустила к нам оленей, за которыми пришли и волки. Недовольство в народе будет только расти. Власть ничего с этой угрозой не сможет сделать. А участие в борьбе с волками членов охотничьих хозяйств – это всё равно что дыру, вместо кирпичной стены, заклеить бумагой.

– Тогда армию двинут, – выпустил витиеватые круги дыма Жуков.

– Так это нам только на руку, – расхорохорился Рябинин и тоже пустил витиеватый дым. Кабина стала похожей на окуневый студень. – Города им придётся освободить от части войск ради борьбы с волками. И там мы постараемся захватить органы власти и силовых структур. Народ, живущий как скот, да ещё чувствуя нестабильность своего положения от волчьего нашествия, должен присоединиться к нам.

– Хорошее слово: должен, – ухмыльнулся Жуков.

– Странный ты, Жуков, какой-то! Я ты что-то не пойму, – озлился Рябинин. – Если ты такой осторожный, чего ж тогда во всём этом предприятие принимаешь участие?

– То-то и участвую в вашей аванюре, чтобы с дурума дел не понатворили. А то людей выведете на улицы, а кто за их жизни отвечать будет?

– Без жертв не бывает революций. Это тебе, Жуков, надо уже было усвоить.

– Да это, Рябинин, ты мне можешь не объяснять. Уж скоро сорок. Здесь главное, не прогадать. А то и людей загубим, и дело. Разве не понятно, что в случае поражения, за нас возьмутся рьянее? Из всех щелей выкурят, как сверчков запечных, – Жуков, с остервенением жуя папиросу, ворочал руль. – Надо, чтобы всё было филигранно. А то пришли волки, и пошла суета. Ртутьев говорит одно, Жаров другое. И спорят и спорят, голуби, до хрипоты в глотках. А истины не ухватят... Оно и понятно. Вроде оппозиция, а разногласия между самими такие, что не упаси Бог. А ещё заводят там темы на мировоззренческие... в общем, не знаю как сказать. Неучёный.

Жуков в последний раз затянулся и вмял бычок в алюминиевую пепельницу, намертво прикрученную к панели двумя болтами.

– А кто такой Жаров? – поинтересовался Алексей и тоже вмял в пепельницу докуранный бычок. – Мне Ртутьев про него ничего не говорил. – Жуков ухмыльнулся.

– Ещё бы он тебе, птенцу неоперённому, сказал о нём!

– А всё-таки кто он? Тебя, кстати, как по имени-то?

– Егором батька назвал... А теперь слушай, коль напросился, – Жуков надвинул на лоб потрёпанную кожаную кепку. – Как наша организация называется хоть знаешь, желторотый?

– *Велесово братство*. А что?

– Да, *Велесово братство*, – подтвердил Жуков. – Его руководитель, как ты догадываешься, Аникей Ртутьев, или по-славянски Бермята. Мы язычники-ведисты. При этом Христа не отвергаем. Только у нас свой Христос, в некоторых существенных моментах отличный от евангельского. Кроме нашей организации существуют и другие ведические. Мелких много. Наносного. А крупных две. Это наша, Ртутьева, и Сергея Жарова по-славянски Храбра. Его организация называется *Лепестки Агни*. Так этот Жаров отвергает Христа. Считает, что его навязали русскому человеку жида, не понимая, что дух Христовый испокон веку жил в русиче, вдохновляя его на труд и на жертвенный подвиг.

– Надо же! – искренне удивился Рябинин. – Я и не знал, что могут быть разногласия по поводу Христа. Покойная матушка именем этим меня благословляла. И на груди у меня вместе с оберегом крест. Да ещё стих приговаривала: *В тумане да в бурьяне, Гляди, – продашь Христа За жадные герани, За алые уста!*

– Кроме ведистов среди недовольных властью, – продолжал Жуков. – Есть ещё и социалисты. Там тоже полный бардак. У них и «Под знаменем Сталина», и «Ленинские беркуты», и молодёжная «Вперёд, Че Гевара!» и мелочь всякая анархическая, которая часто имеет и языческую окраску. Так что, Лёха, всё очень запутанно. А тут эти грёбаные волки. От этого у них всех в мозгах произошло какое-то помутнение. Всех обуял зуд деятельности. Надоело нам, мол, в подполье сидеть, надо на божий свет выходить да удаль свою молодецкую показать. «Эх, ты удаль молодецкая-я!» – вдруг красиво пропел он. – А чего показывать? Хоть дисциплина внутри каждой группы и есть, но координаций будущих действий между ними всеми никакой. Так что же от таких разрозненных групп можно ожидать? Решимость? Да! Идеюность? Да!

Жертвенность? Да! Но, – Жуков повернул голову к Алексею и тихо сказал. – Но победы – не уверен.

– Так что же делать, – взвился Рябинин. – Отступить?

– Я этого не говорил, – с усилием дёргая за рычаг на коробке передач, сказал Егор. – Коли решили, отступить не след! Это хуже всего. Да и совесть не позволит отсидеться в кустах, когда други будут кровью истекать. Авось как-нибудь и выберемся. Ведь бывает и кривая колея до цели доводит. Бывает. – Сказал Жуков и снова закурил. Десять минут ехали молча. Стаю волков давно проехали. Впереди темнел угрюмый замёрзший лес с некоторыми высокими мёртвыми деревьями.

– Слушай, Рябинин, – хищно взглядываясь во тьму, проговорил Жуков. – Совсем забыл. Скоро, через десять километром будет дорожно-полицейский пост.

– Ну и что. Мы, кажется, три подобных уже проезжали.

– В том-то и дело, что этот другой.

– Чем же он другой-то?

– Да как тебе объяснить-то? – укусил край нижней губы Жуков. – Недолюбливают тут меня. Дело старое, а вот злопамятны, черти! А может, и догадываются, что я из подпольной группы. Как ни проезжаю, всё время с чем-нибудь пристанут. Путёвку чуть не нюхают. Легавые они есть легавые. Не поленятся и в кузов забраться. Если бы я был один, Бог с ними. А тут ещё ты. Хоть бумаги у тебя все в порядке, но кто их заранее знает, какую они пакость смогут выкинуть.

– А пост этот можно как-нибудь объехать? – спросил Алексей, почувывая в возможной встрече с этими полицейскими некую роковую опасность. У него даже под ложечкой засосало.

– Сейчас, через метров триста с большака вправо повернёт просёлок, – ответил Егор, уже решивший, что он собирается делать. – Мы вот по нему и поедем. Плохо только – петлять долго будем. Против прежнего пути втрое больше, но бензина должно хватить. А как объедем пост, там впереди будет бензоколонка. Так что придётся сворачивать. Ох, и помотаемся мы с тобой на ухабах.

– Ничего страшного, – весело отозвался Алексей и погладил бородку.

– Ну, вот и поворот, – натужно выдавил Жуков, резко закручивая руль.

Машина, взвывая и страшно грохоча болванками и деталями, немного накренилась вправо. Потом, осторожно съехав с обочины, поравнялась с полотном просека и, освещая неплохо утрамбованную санями дорогу, устремила в кромешную темень, где в далях прятались занесённые снегом живущие одним божьим духом деревушки.

В Театральном балагане

8-е декабря. Вторник

So schreitet in dem engen Bretterhaus
Den ganzen Kreis der Schöpfung aus,
Ung wandelt mit bedäch'ger Schnelle
Vom Himmel durch die Welt zur Hölle².

J. W. Goethe. Faust.

Я не могу бывать в этих народных
балаганах. Кроме того, что там курят
махорку, я там ещё подцепила блох.

Рассказ чувствительной барышни.

В семь часов вечера, на самом краю центральной части Владимира, на площади Истины, где, посреди низкорослой берёзовой рощицы, рядом с гипсовой аллегорией творчества в образе юной девушки, которая, танцуя, зачем-то высоко задирает и без того короткую юбочку, располагался Главный Народный Театральный балаган, здания барачного типа, – ожидали начала представления. Полукруглая сцена, окаймлённая светящейся жёлтым томатом рампой, уже притягивала внимание. Занавес, сшитый из разноцветных и вытертых плюшевых кусков и украшенный бумажными амурами-ангелочками, вот-вот должен был раскрыться. Проведшие целый день за тяжёлой работой на мануфактурах, в депо, в гибридных машинах, за ткацким станом, швейной иглой, печатной машинкой, люди в преддверии концерта, который мог как-то скрасить их серые будни, весело переговаривались.

– Интересно какие номера артисты нам покажут? Вот бы прозвучал монолог Гайдара о свободном отпуске цен в трагедии Луковского «Не ищите богов на Олимпе – они гораздо ниже». Когда его произносит Юденич с закатыванием глаз, у меня прямо слёзы наворачиваются. – Я тоже падаю до чувствительного. Особенно, когда поют «Ах, зачем ты меня целовала?» или «Я душу дьяволу продаю за ночь с тобой.» – А клоуны будут? – Какие вам тут клоуны? – Обыкновенные. Я клоунов люблю. Разве в программе не заявлены? – Уйдите, уйдите, несносный человек, со своими клоунами! – Не волнуйся, паря. Вместо клоунов будет чародей Абдурахман Портягин. Этот уж задаст жару! Видали, как он женщин перепиливал? – Господи Иисусе! – Будет ещё трио бандуристов в венках и вышиванках. Христя, Леся и Оляна. —А эти-то откуда ещё взялись? – То есть, как откуда? Абурахману можно, а бандуристам нельзя? – Да пёс с ними! Пусть себе щиплют и поют «В саду гуляла квіти збирала». – Представляю, как на фоне зимнего лесотундрового пейзажа они смотрелись бы в вышиванках и венках. – А мне знакомый работник сцены сказал, что Витя Хомут, не вписанный в программу, всё же будет чечётку отбивать. – Да ты чо! Правда, что ли? Витя это сила! – Дал же Бог оболтусам талант. Денежки так и летят в кошелек, а ты только знай себе постукивай с носка на каблук. – Нет, граждане, вы не правы. Работа артиста *чижёлая*. У зятя друг был. Так тот в самодеятельном театре играл кого-то. Всё учил роль, входил в образ. То стоит бледный как смерть, а то закричит не своим голосом «Дуньку я вам не отдам, кровопийцы!», и, заливаясь слезами, как начнёт

---

² В дощатом этом балагане Вы можете, как в мирозданье, Пройдя все ярусы подряд, Сойти с небес сквозь землю в ад. (нем.) *И. В. Гёте. Фауст. Директор театра.*

себя самого душишь, будто у него белая горячка. – А может, у него на самом деле была белая горячка? – Да говорю вам, это он в образ входил. – А-а! – Вот тебе и а. Всё входил, входил, а обратно-то и не вышел. – Как это так? – Шизофрения с маниакальным синдромом. – Ух, ты! Вот тебе и работа. – А я про что тебе толкую? – Несладкое это дело артистом быть. Лучше баранку крутить или за токарным станком болванки нарезать. – Хорошо, если бы ещё выступила с танцем живота Зинаида Милосская! Чёрт возьми, ну и женщина! Сказка! – Да ничего в неё особенного нет. Просто голая баба крутит задом, вот и всё. Любую раздень и заставь вертеть бёдрами, такой же эффект будет. – В том то и дело, что не всякая согласится голой крутить задом. Моя Марфуша ни за какие деньги не согласится. Шибко стеснительна. – Алё, люди! Да что вы заладили про эту Зинаиду! На ней что, свет клином сошёлся? Тут обещают под конец запустить живого шамана! Вот это вещь, так вещь. Если бы я их живьём не видел, попусту бы не трепался. – А чо он будет делать? – Выть и в бубен стучать, как бы духов земных вызывая. – Это зачем-то их вызывать? Интересно, ему партийное руководство дало на это разрешение. – Какое разрешение? Выдумаете тоже! Шаманы это особый сорт. Им всё можно. Они от нашего руководства отгоняют... – Мух?! – Сам ты муха! Не мух отгоняют, а нечистую силу. Оттого они и взяли такой вес. Только что-то у них плохо всё это выходит. Или в руководстве столько её скопилось, что никаким шаманам....

Ох, и разморило народ в балагане, разбалагурился, разбалажался, уж в ход шутки, анекдоты пошли, даже и забыл, что на улице морозище пробирает чуть ли не до костного мозга. Некоторые женщины обмахиваются программкой, как веером.

– Чья же это заслуга? – спрашивает некто у некого. – Неужто Леонардо Парамонова, нашего владимирского Кулибина?

– А кого же? Его самого, – отвечает некто некому. – И, знаешь, с виду-то такой невзрачный мужичонка, но окрылённый свыше, или, как сказал бы поэт, с печатью пророка в лице. Раньше такие с полотняными крыльями прыгали с колоколен. Ведь до чего он, прохвост, додумался? Кольчугинская электростанция-то, которая работает и от солнечных лучей, и от навоза, и от чего-то ещё, всё-таки из-за слабой мощности обеспечивает энергией область не ахти как. Отсюда в бараках висят хилые лампочки Ильича и обогрев неполный, хорошо печки дровяные есть, кое-где и вода в трубах, а то так можно и дуба отдать. Парамонка, даром что ничего не может сделать со своей сварливой бабой Ксантиппой, а тут сделал такой трансформатор, который аккумулирует в себе уже имеющуюся энергию, удваивая её мощность. Всех этих тонкостей из-за тёмного ума я не очень-то понимаю. Знаю лишь одно: теплоизлучательные батареи, которые ты видишь здесь, в балагане, питаются исключительно током, полученным в его трансформаторах. Вот оно откуда тепло взялось-то. Раньше артисты, произнося монологи, зубами стучали, а полуголый красотишки, которые танцевали канкан, несмотря на активные движения, вскоре покрывались гусиной кожей. И зритель, хоть и был одет в овчину, нет-нет, да и лез в пах руку окоченевшею погреть. Вот такие дела! Впрочем, пора бы им уже начинать. Как вы думаете? Да вон занавес уже поднимается.

Когда занавес открылся, на сцене со светящейся томахом рампой, появился, источая лучезарные улыбки, знаменитый конференсье Иегуда Прошкин. Зал быстро смолк. Это же сам Прошкин! Bravo! Облачённый в поношенный, в нескольких местах заштопанный, чёрный фрак, в такого же облика брюки и в лакированные, явно жмушие ему ботинки, он изысканным жестом снял бутафорский цилиндр, очень похожий на кастрюлю, обнажая тем свою в чёрном парике голову, и послал залу воздушный поцелуй. Раздались бурные аплодисменты! Иегуда водрузил головной убор на прежнее место, поднял вверх свои длинные руки, открывая манжеты с запонками из фальшивого рубина, и звонким молодцеватым голосом заговорил: – Уважаемая публика, мы рады вас видеть этим вечером на наших театральных подмостках!

Опять раздались аплодисменты, громче прежнего. Но конференсье быстро их утихомирил тем же магнетическим жестом.

– Друзья! Ведь здесь присутствуют только друзья наших артистов, (пауза) и всех честных людей нашего города, (пауза) и вообще всех порядочных людей нашей необъятной страны и... э... (длинная пауза) областной администрации!

Говоря последние, слова Прошкин немного смутился. Но поглядев на место в заднем ряду, где прятался директор, и, видимо, получив оттуда одобрение, продолжал.

– Друзья, я не случайно упомянул сейчас о нашей обл администрации. Не случайно. Ведь именно благодаря ей, при непосредственной её помощи состоится нынешнее *красочное шоу*. Так давайте, друзья, поблагодарим нашу местную власть и её руководителя в лице Инессы Власьевны Ржевской аплодисментами, чтобы она знала, что в нашей груди бьётся благодарное сердце!

И Прошкин захлопал изо всех сил в свои пухлые ладоши первым, увлекая своим примером зал. По его морщащемуся лицу было видно, что обильное рукоплескание болезненно отдаётся в его костях, но он стойчески переносил эту муку. Наконец, уже порядком взмыленный, конферансье, остановился, призывая к тому же и публику. Как только установилась тишина, Иегуда объявил первый номер: – Максим Чеверда! Атлет, который взял восемь золотых кубков, который согнул в бараний рог железнодорожный рельс, который разорвал пасть тигрулюдоеду, который отломал глыбу от скалы и бросил в пропасть, чем вызвал сход лавины. К счастью наш герой не пострадал! А теперь этот прославленный чемпион будет показывать своё искусство своим землякам! Прошу любить и жаловать!

Под гром оваций и свисты на сцену вышел чернявый человек богатырского телосложения с закрученными усами и мохнатыми бровями. Бугристые мышцы рельефно проступали сквозь полосатое трико. Большой вырез на груди открывал взору бурную растительность. Из-за огромного размера его туловища его голова с оттопыренными ушами казалась непропорционально малой. Глубоко посаженные глаза привыкли всегда напряжённо глядеть на объекты его гимнастического искусства, будто бы он доискивался их сущности, чтобы точнее оценить меру их сопротивляемости. Поэтому, пока не находя никаких железяк, его глаза глупо хлопали.

Но вскоре всё уладилось. Ему подвезли древнее легковой автомобиль, что-то вроде какого-то Мерседеса, который специально ради этого номера подарил один бизнесмен. Подойдя к нему неспешной походкой, почти на не сгибающихся ногах с толстыми ляжками, Максим нежно, как бедро любимой женщины, погладил его капот. Потом, постепенно будя в себе зверя, начал раскачивать машину из стороны в сторону. Сперва вдоль, затем уже поперёк. Второе раскачивание было гораздо сложнее. Но для Чеверды никаких препятствий не существовало, хотя бессмысленность этой затеи и выдавало в нём интеллект гориллы. Но у всякого действия есть свой логический конец, потому что и у гориллы есть какое-то мышление. Наконец машина, после описанных манипуляций была перевёрнута. В зале раздался крик восторга. Но номер ещё не кончился. А тут как раз на нашего атлета нашла какая-то варварская страсть к разрушению, и он, яростно рыча, начал крушить автомобиль. Первыми жертвами этой ярости были вывороченные двери, потом – правда, тут Максим немного замешкался – в ход пошли передний и задний мосты, дальше – их колёса. Одним за другим на сцену с грохотом летели оторванные части машины. Залу тоже передалась эта варварская страсть, и он дико орал, подзадоривая тяжеловеса. Чувствуя восторг публики каждой фиброй, он тяжело вздохнул, провёл ладонью по мокрому лбу и приступил к заключительной части номера. То, что он собирался сделать, казалось невозможным... Он собирался отодрать дно от машины. Густо намазав руки тальком, Чеверда подошёл к растерзанной машине и начал пальцами искать зазоры, за которые можно было зацепиться. Согнутый, чего-то шарящий руками, он напоминал борца, который сидит на спине соперника и пытается его перевернуть на лопатки или сделать ему болевой приём. Наконец атлет основательно зацепился за дно и начал его отрывать. Но машина не поддавалась. Максим не ожидал такого упорства. Неужели он не осуществит задуманного? Но он сказал себе заветное слово «Врёшь, не уйдёшь!». Одновременно с этим раздался неприличный

звук, смутивший женщин и развеселивших мужчин и скрежет крепких зубов. Шея надулась, как у быка, а глаза его сделались больше в два раза и свелись зрачками к носу. Это Чеверда, сжигая мосты, пошёл на пролом. Противостояние человека и машины длилось, может, три, может, пять минут, а может и полчаса; все были так поглощены вниманием, что позабыли о времени. И вот когда уже силы человека были на исходе, машина сдалась. Чеверда закричав нечеловеческим голосом, потянул на себя руками. И тут раздался металлический скрежет. Всё. Кончено! Чеверда, держа в руках дно и хрипло отдуваясь, прошёлся с ним по сцене. Оркестр – фисгармония, мандолина и скрипка – заиграли туш. Публика неистовствовала.

Когда рабочие очистили сцену от обломков машины, следующим номером Иегуда объявил чечёточника Витю Хомута. Конферансье ещё не успел во всей красе расписать искусство чечёточника, как Витя уже вышел на сцену, отстукивая свой фирменный степ, из-за чего его движения напоминали движения марионетки. Но не успел Витя доковылять до рампы. Как на сцену ворвалась худенькая, со впалыми щеками девушка. Несмотря на свою слабость, она из всех сил толкнула Витю в сторону. Как ни странно, чечёточник не удержался и, под общий смех зала рухнул на пол. Публика подумала, что так задумано, и от души захопала. Витя, ничего не понимая, растерянно поднялся, отряхивая свой ядовито-зелёный комбинезон. Обида брала своё. И он чуть ли не с кулаками и с бранью, налетел на девушку. Но тут же отступил, будто наткнулся на стальную стену, ибо в глазах этой, на вид восемнадцатилетней, девушки была какая-то сила – не грубая сила атлета-крушителя, а сила, убеждённого в своей правоте человека, который ради своих идей готов сесть в тюрьму, пойти на каторгу, да что там! взойти на костёр. Вите ничего не оставалось, как, не исполнив свой номер, позорно ретироваться за занавес. Теперь и зал стал догадываться, эта девушка появилась здесь не для того, чтобы его развлекать. А для чего же? Вроде бы самая обычная девчушка, но чем-то она отличалась от всех. Только после внимательного взгляда в её облик, в ней угадывалась какая-то особость, странность, избранность. Прикрытая в плечах шерстяным платком, она была в полурасстёганной голубой кофте, открывающей на груди ткань белой рубахи без воротника, которая была пущена поверх серой длинной юбки из толстого сукна. На ногах короткие белые валеные опорки. Сейчас мало кто так одевался. Может, лишь где-нибудь в глуши. Да и лицо её было каким-то особенным. Может, она была слишком красива? Наверяд ли. Уложенные в небольшую косу жидкие пепельные волосы, поперёк лба глубокая морщина, прямой нос с крупными воскрылиями, широко расставленные бледно-голубые глаза с рыжеватыми ресницами, и несколько большой для узкого подбородка рот, на правом краю которого находилась мелкая родинка, – не создавали впечатления, которое создают истинные львицы. И всё же чем-то это лицо притягивало – какою-то иною красотой. Наивность, вера, страстность и жалость к миру – всё это гармонично уживалось в её юном облике.

Подойдя к рампе и прижав к груди кулаки, девушка почти с молящимся взором обратилась к залу.

– Люди! Люди! Люди труда! – никто не ожидал у неё такого сильного и грудного, с едва заметной хрипотцой, голоса. – Зачем вы пришли на этот пошлый спектакль? Что вы от него ждёте? Минутного забвения? Опьянения? А завтра опять пойдёте на проклятую работу, чтобы своими руками поддерживать существование упырей, сосущих вашу кровь? Вы вновь примитесь работать за примитивными станками, от которых нет никакого прока, а лишь опасность для ваших рук и глаз, вновь сядете в монстры-машины, которые могут встать в мороз посередине дороги, и вы замёрзнете! Женщины вновь будут работать за средневековыми станками и шить, работая иглою по 10, а то и по 12 часов в день, не находя времени для собственных детей! Милые мои, ответьте мне, разве это жизнь?

Тем временем по сцене, хромая, бегал несчастный конферансье Прошкин и, схватившись руками за голову со съехавшим париком, лопотал: – Что она говорит? Откуда она взялась? Кто пропустил? У нас концерт, а не партийный диспут? Господи, да вызовите кто-нибудь полицию!

Но никто не обращал на него внимания. Люди в зале были околдованы этим голосом, этим взглядом, этой смелостью. Артисты, выбежав из-за занавеса, тоже зачарованно внимали этой дерзкой девчушки.

– Областная администрация, много она сделала для вашего благосостояния? А что она делает для вашего духовного просвещения! Пустые песенки, пошлые танцы! Бюрократический аппарат расширили до умопомрачительных размеров, а толком ничего сделать не могут. Да, тут уже роскошно не поживёшь! Как-никак на дворе Великий Ледниковый период. Отсюда и убогость их нынешних апартаментов, и автомобилей, не то, что было у их прадедов! Но простым людям гораздо хуже. Многие умирают от цинги, дети рахиты...

Но тут в проходах зала показались несколько полицейских, очевидно вызванных администратором. Их быстрое появление объяснялось тем, что они дежурили возле Театрального балагана. На них были синие бушлаты, затянутые португеею с кобурой, из которой выглядывали магазины револьверов. На головах чернели огромные папахи с орлиной кокардой. Жёстко, как и требуется полицейским, они печатали шаг, смягчённый, впрочем, резиновой подошвой унтов. Через минуту они уже были на сцене, возле дерзкой девчушки, которая даже не предприняла попыток к бегству. С бугристым красным носом капитан, самый старший по званию из всех четверых остальных, гордый тем, что ему выпало счастье участвовать в аресте политического преступника, ни разу не сбиваясь, протараторил: – Вы арестованы, так как уличены в противогосударственных речах, где клевете на законные органы власти, подстрекая толпу к бунту. Ваши руки.

Девушка, лунатически смотря куда-то вдаль, покорно подняла руки, которые захлопнул в наручники рядом стоящий угрюмый страж закона.

Тем же путём полицейские со своей добычей покинули балаган.

Что ж, представление можно продолжать? Директор мигнул конферансье. Иегуда Прошкин попытался произнести остроуту по поводу, что, юная актриса, начитавшись, чего не следует... чего не следует... Но никто уже не смеялся. А когда кто-то из зала крикнул «Ироды!», Прошкин совсем растерялся. Он с жалкой надеждою посмотрел на оркестр, но музыканты отчего-то молчали. Боже, какой же номер объявить? Никто из артистов не хотел выступать, наплевав на посуленные щедрые гонорары. И люди – сначала один, потом другой, третий и т.д. – потянулись к выходу. Вот так бесславно закончилось *красочное шоу*, которое предложила в качестве громоотвода Инесса Власьевна Ржевская, пожизненный губернатор Владимирской области. И это ни где-нибудь, а в самом областном центре!

Солёный жмых

Ночь 9-е января. Среда

И вербой расцветёт ласкающий уют;
Запечных бесенят хихиканье и пляска,
Как в заморозки ключ, испуганно замрут.

Н. А. Клюев. Избьяные песни.

Тем временем машина, несущего Жукова и Рябинина и гремющий лом, а так же инструкции к главам местной ячейки подпольного ведического братства, с трудом пробиралась ухабистым просеком. Вся сложность была, чтобы не вылететь на целину, поэтому Жуков внимательно следил за дорогой, прислушиваясь к звукам мотора, ехал только по накатанному пути, следил, чтобы машину-зверя не выносило в сугробы. Вокруг расстилалась всё та же однообразная картина. Снежная дорога, тёмная даль и звёзды, к которым присоединился недавно поднявшийся из-за дальнего леса тонкий медовый обод старого месяца. *Сквозь волнистые туманы пробирается...*

– Где-то через десять километров, – сказал, закуривая Жуков. – Будет деревня. Там можно будет остановиться, чаю горячего попить и обогреться. Печка что-то капризничает. Надо будет почистить контакты у аккумулятора.

– Да, в кабине заметно попрохладнело. Да только времени-то у нас хватит? Путёвка у тебя на какой срок?

– Это уже не имеет значение. Скажу, поломка была в пути. Такие вещи у нас сплошь и рядом.

– А-а! Ну тогда можно на полчаса и заскочить.

Медленно, зверски рыча и вихляя на ухабах, гибридный грузовик Жукова, постепенно подъезжал к бедной русской деревушки, затерянной в морозной, таящей смерть для заблудившегося пилигрима, глуши. Жуков приблизил к лицу запястье ладонью вниз и посмотрел на фосфоресцирующие часы.

– Уже три ночи. Не больно-то хозяева нам будут рады. Нежданный гость хуже татарина. Но ничего. Поругаются, поругаются, душу отведут – а там и самовар поставят. Гляди-ка, Рябинин, в одной избе в окнах свет! Вот мы как раз туда завалимся.

– Да хоть бы куда, – сказал начинающий мёрзнуть Алексей. Он то дышал на ладони, то усиленно растирал их.

Через десять минут они уже въезжали в нищую, с покрытым серебрившимся на соломенных крышах снегом и с покосившимися колами плетней у огородов, деревню Солёный жмых. Проехав три двора, остановились возле двух верей без ворот, между которыми тускло светило два окошка.

– Долго торчать не будем, – сказал Егор, по обыкновению, плотно натягивая на голову свою кожаную кепку. – А то потом замучаемся мотор разогреть.

Рябинин, хлопнув дверцей, легко спрыгнул с подножки.

– Подожди, Алексей, – крикнул Жуков. – Надо радиатор залить антифризом. Поможешь.

Жуков вынул и кабины десятилитровую пластмассовую канистру и отдал её Рябинину. Сам же ловко запрыгнул на приваренный бампер, открыл при помощи лома капот, принял от напарника канистру с антифризом и, щуря глаза и кусая нижнюю губу, начал лить в отверстие радиатора жидкость, струя которой при блеске звёзд и снега переливалась оттенками змеи какой-то, гадюки, что ли, медянки. Закончив процедуру, Жуков отдал Рябинину на две трети освобождённую канистру, захлопнул капот и пружинисто, как барс – в грязных пимах – спрыгнул на землю.

– Порядок! – сказал Жуков. – Давай канистру.

Взяв канистру и лом, он их поставил в правом углу кабины и захлопнул дверцу.

– Ну что? Веди меня, жених, к своим. Ты ведь тоже у нас из сельской местности, – пошутил Егор.

– Это чой-то я жених? Ну, ты скажешь тоже! – растерялся Рябинин.

– Да так. К слову пришлось. Ладно. Идём.

Подойдя к чёрной от древности избе, которая давно бы завалилась, если бы её не подпирали как раз с падающей стороны толстый ствол мёртвой ветлы, Жуков и Рябинин, вдохнув воздух, приятно пахнувший печным дымом, подошли к гнилому крыльцу, впрочем, со свежими ступнями на лестнице. Поднявшись, Жуков громко постучал в дверь. Хозяева не заставили себя долго ждать, видимо, уже давно их ждали, так как видели, что машина остановилась возле их двора, и догадывались, что те пойдут к ним. Дверь открыла дряхлая, как её обиталище, старуха в валеных опорках и с накинутой на седые волосы и плечи шерстяным платком. Огарок свечи освещал глубокие морщины и недовольные глаза.

– Бабуля, – сказал как можно приветливее Жуков. – Не примешь ли погреться двух путников? И нам добро сделаешь и себе, так как Бог любит странноприимцев.

– Какие вы путники, ироды окаянные, – зашамкала беззубым ртом старуха, зябко кутаясь в плат. – Прикатили на своей машине, которая так выла, что чуть не перепугала мне всех кур. Хотя чего с вами делать, – проворчала бабка. – Всё равно же не отстанете. Заходите. Только осторожно – ступеньки неровные.

И старуха, показав полусогнутую спину, пошла в дом. Путники – за ней.

Когда зашли в хату, их приход встретили белорунная овца, несколько кур с разноцветным петелом, пушистый грязный кот и дряхлый добродушный пёс непонятной породы. Горницу освещали две лучины, вставленные в светцы. Печка, занимавшая треть избы, издавала приятное тепло. Вдоль той стены, которая не имела окон, располагалась лавка, рядом – стол. А вот у той стены, что располагала окнами, выходящими на двор, обнаружилась и причина бессонницы старухи. Выгибая тонкую, почти лебяжью, шейку, на самом ровном месте горницы, тая столетние сны, стояла древнерусская прялка, сокровенное орудие женского труда. Как и должно быть, донце этой прялки было устлано ковриком, чтоб старым костям мягче сиделось, а на устремлённой ввысь лопати пучилась, как пена перебродившего пива, белая овечья кудель. И где-то тут же на щелястом полу Рябинин усмотрел и последнюю деталь этого и простого, и мудрого устройства – только что начатое веретено, призванное, вращаясь как ось земли, истощать пышную кудель, вытягивая из неё длинную грубую нить.

– Ты, наверно, бабушка, и не спишь, оттого, что у тебя работа срочная, – посочувствовал Алексей. – И сняв в головы малахай, развязал кушак, через раскрытый полушубок показался клин толстого чёрного свитера.

– Напрясть надо восемь хороших веретен, – ответила старуха. – Потом мне за это дадут сухарей, молока. – Да и спать-то неохота. До вас тут шлялись какие-то охотники. Говорили, мол, на волков пошли охотиться.

– Вот, Рябинин, – сказал Жуков, снимая кепку, но предпочётший остаться в кожане. – Уже организовали борьбу с волками. Силами охотничьих обществ. Пока. А там, когда всё это окажется ни к чёрту, за армию возьмутся.

– Упаси Господи от этих волков, – перекрестилась старуха. – Неужто не отгонят? Самих-то было шестеро. На розвальнях прикатили из самого Огненска, пригорода Гороховца. Будто ближних не могли найти охотников!

Сказав это, она пошла за самоваром, стоящем на шестке.

– Он у меня всегда на шестке. Бывает через дорогу ко мне приходит Матрёна, тоже одиночка и тоже бессонная. Вот вместе и пьём чай с сухарями.

Пока Егор и Алексей усаживались за старый, но скоблённый стол, бабка принесла самовар с заварником на венце, достала с полки чашки, отсыпала в блюдце сухарей и потом всё это принесла гостям.

– А сахара, уж извините, чего нет, того нет, – прошамкала старуха.

– Эка, удивила, – засмеялся Рябинин. – И так понятно. Какой же может быть сахар в таких, забытых... властью местах. Живут так, как будто вас и вовсе не существует. – Уже зло dokonчил он.

Такое испокон веку ведётся, – вздохнула старуха. – До царя далеко, до Бога высоко. А вы наливайте себе, пейте.

– Нет, не всегда так было, – не унимался Алесей. – В древние ведические времена, три тысячи, с то и гораздо больше лет назад жили вольные славяне-арии. У них была полная справедливость. Родами руководили мудрые старейшины, но решения принимались всеми сообща.

– Да ты, милоч, не волнуйся, – ответила старуха. – Лучше чаю выпей. И на душе спокойнее будет. Вот твой дружок уже вторую чашку наливает.

И вправду, Жуков уже выпил первую чашку и пошёл по второму разу. Правило у него было такое: когда ешь-пьёшь, никаких, даже серьёзных разговоров. Впрочем, заметил Ряби-

нину, когда тот налил себе чашку и вприкуску с сухарями начал осторожно тянуть с краю горячий настоянный на душице и иван-чае чай:

– А ты-то, где понабрал этих знаний? Неужели у себя в глуши? – Книги власть имущие простым людям лишь те дают, которые их прославляют. Другие же запрятаны в запасниках, куда не попасть. Или у вас, как и в нашей организации, свои подпольные библиотеки?

– Я знания получал отовсюду, – смакуя душистый напиток, говорил Рябинин. – Были и книги. А так же были люди, которые объясняли, что и как.

– Ох, – тяжело вздохнула бабка. – Внучка моя, кровинушка родная, Ульянушка, тоже вот начиталась, неизвестно откуда взятых книг, и подалась в город революцию делать. Ещё в середине ноября уехала.

– А о чём книги-то были? – поинтересовался Жуков.

– А Бог их знает, – вдруг вспомнив о внучке, грустно сказала старуха. – Приносила ей подруга её Маринка Рюмина. А ей какой-то родственник привозил из района. Вот сойдутся они у меня. Маринка, эта бойкая такая, только мне скажет «Ты бабка, Улита, нас особо не слушай. Всё равно ничего не поймёшь.» А моя, Ульянушка, нежная, но гордая, когда надо за себя может постоять, говорит мне ласково «Бабушка, это всё написано для освобождения простого народа, чтобы всё было по справедливости». Попьют чаю и давай спорить. Там у них Ленин, и Маркс, и Сталин, а то и Бакунин, и этот ещё... Запомнювала... Кро... Кро...

– Кропоткин, – помог Жуков, выпивший уже четвёртую чашку.

– Во-во, он самый.

– Понятно, – ухмыльнулся он. – Куда девчонок занесло. Внучка, стало быть, у тебя, бабка Улита, социалистка с примесью анархических идей. Тоже неплохо. По крайней мере, по-своему, хоть и не по нашей методике, а всё-таки сопротивляется власти. Это лучше, чем бездумно жить и рабски принимать условия игры, навязанные тебе богатеями. Ну, спасибо тебе, бабка Улита, что обогрела, чаем напоила, а нам пора. Груз к сроку надо доставить.

– Спасибо, – отозвался Рябинин. – Чай бесподобный. И согрел и силы вернул.

– Этот рецепт мне достался ещё от прабабки, – сказала польщённая Улита. – А то бы ещё остались. Я бы нового заварила.

– Нет, извини, пора, – натягивая кепку, сказал Жуков.

– Ну, раз, пора, так пора. Вы люди подневольные.

Алексей тоже надевал на себя свой малахай и ту же затягивал полушубок кушаком.

– Сортир-то у тебя в сенях? – спросил Егор.

– Да. Как откроете дверь в сени, берите чуток левее. А то может, посветить?

– Да не нужно. Справимся.

И последний раз окинув, горницу, вдруг в красном углу, заметили неприметных три тёмных иконок, тускло освещённых язычком лампадки. Что там были за святые, невозможно было понять, но Рябинин двуперсто перекрестился на них. Жуков, кажется, раздумывал, как ему поступить, но, в конечном счёте, сделал так же, как и Рябинин.

Подходя уже к машине Жуков сказал: – Интересно, где сейчас эти социалистки-анархистки. Как бы по глупости не угодили в полицию. А то там... Стой, Рябинин. Слышишь крики?

– Да! Да какие заполошные.

– Чёрт! Неужели из-за волков? Видимо, охотники их пальбой разозлили. Ведь тех было шесть, как говорила Улита, а волков-то целая прорва. Когда их много, разве они испугаются шесть ружей?

– Почему ж мы пальбу не слышали?

– А Бог его знает. Наверно, те отъехали далеко в поле. Да, так оно скорей и есть. Отъехали на километров пять. А там ещё стреляли из подлеска. Где ж тут услышать?

– Егор смотри? Люди выходят... А если волки двинут сюда?

И в глазах Алексея возник первобытный страх от близости хищника, но страх этот был секундный. Человек, постоянно охотящейся на зверя в лесу, имеет право только на секундный *страх*, ради адреналина, чтобы телесная стать была готова для схватки, дальше страх должен уступить место спокойствию, трезвости, рассудительности. Это закон бытия человека в природе. Иначе –
смерть.

Фельетон Сильвестра Карпенко для старейшей владимирской газеты «Призыв» от 17 июня 2131 г.

Тангейзер

В стародавние времена в благословенной Тюрингии жил известный поэт Тангейзер. Из благородных. Всё воспевал прекрасных дам, вешние розы, пугливых ланей и прочие куртуазные прелести. Но, видно, это ему наскучило, потому что он вскоре удалился в грот Венеры ради новых, так сказать, ощущений, где предался оргиям, лености и воспеванию ласк своей новой патронессы. Но, как известно, необузданные страсти быстро приедаются.

Так и наш юный (?) герой всем этим счастьем пресытился. И однажды говорит Венере: – Так, мол, и так, извините меня, мадам... или, мадмуазель.. не знаю, как и сказать, чтоб ненароком не обидеть Вас. Но всё. Ухожу домой. На хаус. Спасибо, за хлеб и соль, за радушие. Я, конечно, мог бы ещё погостить у Вас, но тут темно, сыро, а у меня лёгкие слабые, как бы туберкулёз не открылся... Ни-ни-ни-ни, и не уговаривайте даже. Всё уже решено. Мне сегодня ночью снилась Елизавета, племянница ландграфа нашей благословенной Тюрингии. Так что целую Ваши нежнейшие ручки. Адью.

А Венера вредная такая, не пускает кавалера. Какая, мол, его муха укусила? Что это он выдумал? То добивался её благосклонности, цветы, конфеты, духи французские, понимаешь ли, дарил, а теперь воротит оглобли! И представляет ему для начала всяческие резоны. Но потом, когда уже видя, что они не помогают, применяет и силу в виде заклинаний к удержанию нашего благородного поэта Тангейзера, Генриха фон Офтердингена. Но Тангейзер парень не дурак, даром что влип во всю эту историю, призвал имя Девы Марии – и все бесовские козни разом исчезли. И вот он на свободе. Лепота! Солнышко, птицы-жаворонки! Тиють, тиють, тиють. Похоже на жаворонка? Значит, идёт, с котомкой за плечами, по круглым холмам благословенной Тюрингии, упивается здоровым крестьянским воздухом и всем патриархальным устоем средневековой германской жизни. И белокурые немецкие девушки ему по пути улыбаются, показывая крепкие, не тронутые цингой, зубы, и пастушки ему бесхитростные мелодии дудят, и пилигримы бредущие в святой Рим (но мы-то с вами знаем, что Рим вовсе не святой, отпал от святой веры, но Бог с ними) дают ему своё благословение. А тут ещё слышатся охотничьи рога. Это с охоты возвращаются праздные феодалы. Как раз навстречу нашему герою. Подъехали на сытых, кормленных сладким овсом, конях.

– Ба! Ба! Кого я вижу! – восклицает красивым баритоном Вольфрам фон Эшенбах, прежний приятель Тангейзера.– Или мне мерещится? Или я вчера перепил славного рейнского из погребка папаши Матиаса?

Нет, не мерещится, не перепил. Это и есть тот самый Тангейзер. Ныне вот соскучился по родным, по буйным пирушкам, по поэтическим состязаниям, по голубым Лизиным глазкам. Вольфрам и выдал приятелю информацию, что очередное состязание произойдёт буквально на днях, где будет присутствовать и Елизавета. Тангейзер, как не трудно догадаться, на седьмом небе. Несомненно, он будет участвовать! Да здравствует искусство! Виват ландграфу Герману, великому меценату и меломану! Виват, виват!!!

Наконец настал день состязания рыцарей-певцов. Он будет проходить не где-нибудь, а в замке самого ландграфа Германа, любезно предоставившего для культурного мероприятия

свой парадный зал со всякими там гобеленами, чучелами диковинных зверей, золочёными рыцарскими латами. Тут же и Елизавета. Ах, кровинушка моя! Как она волнуется! Ещё бы! Ведь её избранник будет снова петь! Ах, только бы он, её милый Генрих, не ударил в грязь лицом! Сколько прошло времени, а она всё так же любит его, как тогда, когда он спас её от разъярённого кабана. Она даже, как истинная любящая девушка, готова закрыть глаза на все его шалости в гроте Венеры.

Последние приготовления. Слуги разносят на блюдах всякую заморскую снедь и прохладительные напитки. Зал уже наполнен. Все лишь ждут знака ландграфа – хозяина, сюзерена и тонкого ценителя вин и высокого искусства. И вот, как только ландграф взмахивает дорогим, из венецианского бархата рукавом, торжественно звучат фанфары! Началось! Кто выступит первым?

Первым на мраморный мозаичный – с музами – пол, выходит Вольфрам. Тонкие, униженные драгоценными камушками аристократические пальцы начинают водить по струнам лиры, зычный же голос – возвышенно чревовещать, раскрывая суть духовной любви. Ибо тема состязания была обозначена как раскрытие сути любви. Как только певец смолк, со всех сторон послышались аплодисменты, овации, визги, посыпались розы и сильно надушенные кружевные платки. Вольфрам элегантно откланялся и ретировался. Потом вышел кто-то ещё, и спел в таком же роде, затем третий, четвёртый и т.д. И все пели только о духовной, сверхчувственной природе любви. И тут настало очередь Тангейзера. Все замерли. Молодые дамы взволнованно зашептали: – Это тот самый! – Елизавета с силой сжала павлиний веер. А ландграф уже кивал выдвинувшемуся певцу, подбадривая его словно ребёнка, одаряя слегка робевшего певца приторно-миндальной улыбкой. И тут же раздался хлопок холеных ландграфских рук. Да, Тангейзер раскроет им суть любви. Но только не духовной, а плотской. Увы, школа грота Венеры не прошла для него бесследно. О, несчастный! Лучше бы у него сегодня свело челюсть!

Кто может вынести подобную ересь! Такого рыцарский зал отродясь ещё не слышал. Кажется, даже чучела оленей содрогнулись, порожные латы, казалось, с лязгом зашевелились. Ибо наш достославный поэт пропел благородному собранию, всем этим баронам и графам, чья геральдика символизирует самые высокие устремления, – гимн в честь Венеры, богини сладострастия. Мягко говоря, произошёл скандал. Дамы попадали в обморок. Рыцари схватились за кинжалы. Но ландграф Герман благословенной Тюрингии проявил завидную выдержку. Он поднял руку и бледный, как мертвец, объявил свою суверенную волю. Пусть Тангейзер с паломниками идёт в Рим к папе искупать своё преступление. О, только сейчас понял Тангейзер, как он глубоко оскорбил его любимую Елизавету, которая стояла в стороне как каменная. Он встал перед ней на колени, посыпая голову каминным пеплом и с ожесточением бия себя в грудь. Но слово не воробей-птица! Кусай теперь, паря, локти. Был бы ещё русским, пропустил бы за милую душу, попарился с берёзовым венечком, и, глядишь, к пятнице оклемался бы. Но немец – материя особая. Из наитончайшего баварского сукна. У них ведь честь! Нихухрымухры. Ну, и на здоровье.

Уходит, значит, молодец наш в Рим, а бедняжка Елизавета – невеста не невеста, жена не жена – с красными от слёз глазами, ждёт его, на что-то ещё надеясь. Повадилась ведь ходить на дорогу, ведущую в Рим, встречать странников, заглядывать им в бескровные лица. Может, под грубыми куколями блеснут серые глаза её любимого Генриха, Генриха фон Офтердингена, некогда первого певца Священной римской империи германской нации, славного Тангейзера.

Спустя какое-то время, Елизавета, встретив очередную группу паломников, где не находит любимого, просит Богоматерь взять её на небо, чтобы она, находясь у самого Престола, могла просить Господа, (какое дерзновение!), послать милость Тангейзеру. Вольфрам, в отдаленье наблюдая за молитвой Елизаветы, поёт песню об отлетающей невинной душе. Наконец, в рубище последнего раба появляется и Тангейзер. Он сокрушён – папа сказал, что он будет прощён только тогда, когда зацветёт его посох. Вот таким шутником оказался папа! Они все

там такие. Вы это и без меня знаете. В отчаяние, исходя слезами, Тангейзер призывает Венеру. Что рубь, что полушка. Погибать, так погибать! Вольфрам пытается его удержать, употребляя в своих доводах цветастые эвфемизмы. Напрасно. Друг его невменяем. Вдруг из города выходит похоронная процессия, оглашаемая унылым звоном. Вольфрам объясняет, что это хоронят Елизавету. Тут же Тангейзер пробуждается от чар, и с именем Елизаветы умирает. А вскоре новые паломники рассказывают о необыкновенном чуде: папский посох расцвёл. Папу-циника чуть не хватил кондрашка. Вот такая чудесная история, одна из многих, которыми так была богата средневековая Германия.

Ульяна

9-е декабря. Среда

Ещё никогда, даже в снах, не случилось
Мне видеть тебя в той долине одну,
Ласкающей прядью речную волну...
Истомным июлем природа венчалась,
Где ты погребала былую весну.
Лишь нега по членам твоим разливалась,
И прядь твою струи тянули ко дну.

Евгений Пономарев. Диана.

Ульяна, утомлённая никчёмным ночным допросом, устало лежала на нарах в одиночной камере знаменитого Владимирского Централы, того самого, который, воспели когда-то, в соответствии со своим дарованием, образованием и культурным багажом, безвестные «барды», чьи песни о трогающих душу историях, однажды подхватили миллионы и до сих поют на подмостках народных театров, кухнях и в закутах бараков, возбуждая в слушателях искреннее, часто с предательской слезою, сострадание к перипетиям тюремного героя. Ульяна этих песен не слышала, а если бы и услышала, то не пришла бы от них в восторг. Тонкая, хрупкая, почти блаженная, ей близки были иные созвучия, иные истории, похожие не на жизненный фарс, а на подлинные трагедии.

Из-за верхнего решётчатого окна скудно пробивался утренний свет. На откинутах столе стояла кружка с водой и кусок зачерствелого хлеба, который, не стесняясь, по-хозяйски грызла крыса, спустив длинный, похожий на облезлый шнур, хвост с края стола. Ульяне хотелось спать, очень хотелось спать, но поток мыслей в голове кружился, давя на мозг, тирания её душу незатихающим рефреном «Только бы не выдать Маринку!». Кажется, на первом допросе она вела если не мужественно, то вполне достойно. Грубый полковник, абсолютно истерически орал на неё, требовал её фамилию, какую организацию она представляет, кто сообщники и т. д. В середине допроса с издевательской ухмылкой пообещал ей в следующий раз дознания с пристрастием. Она же твердила, что никого она не представляет. Просто ей в руки случайно попала противоправительственная книга («Летом на дороге нашла. Видимо, кто-то с телеги обронил.»). Вот она и стала её читать. И многие вещи её показались там верные. Ведь это же несправедливо, когда одни живут впроголодь, а другие по ресторанам ходят, одни десять часов работают, а другие сколько хотят. Вот поэтому, видя, что там всё верно написано, и решила она на дерзкий поступок, пробудить в людях собственное достоинство. Ибо и сами эти концертные номера, которые вчера смотрели люди, разве не унижают человека? Ведь они не заставляют его задумываться о смысле жизни, низвергая до потребностей обезьяны. Разве можно так? И глаза Ульяны светились такой лучезарной наивностью, такой откровенной непосредственностью, что багровый полковник, мыча, в бессилии садился на стул, вынимал платок и начинал вытирать багровую шею, уже не пытаясь с ней бороться. Ох, как он с ней устал!

А она, совсем юная, неискушённая, как устала! Боже, неужели ещё её будут допрашивать? А если с пристрастием? Пусть делают, что хотят. Только Маринку бы не выдать. Если выдаст, на неё ляжет двойная вина. Ведь она, не посоветовавшись с ней, по своей инициативе, спонтанно, решила обратиться к народу, взывая к его пока спящему, не пробудившемуся духовному совершенству. Ишь, храбрая какая! Отдавшись минутному воодушевлению, не подумала о последствиях. Поступила как неопытная дурочка. А зачем? Какая от этого польза? Ведь Маринка говорила, через одного человека они смогут выйти на связного молодёжной организации «Вперёд, Че Гевара!». Надо было подождать всего два дня. Но один случайный прохожий сообщил, что на вечер готовится грандиозное *шоу*, где будут выступать артисты. Не зная чего на неё нашло (от одного только слова *шоу* у неё мурашки по спине пошли), она вдруг решила выкинуть им там такое, чтобы они её надолго запомнили. Запомнят её, это ещё вопрос, но то, что представление она им сорвала – это точно. Только статьёй по хулиганству она не отделается – из её уст звучали порочащие власть речи. Факт. Свидетелей – полный зал. И чего она этим добилась? Как всё это глупо, глупо. Вместо серьёзной,

подтачивающей строй, упорной работы, пустой ребяческий выплеск. Как теперь из этого всего выпутаться? Маринка связалась со связным? Нет, говорила, через два дня. Впрочем, это уже не имеет значение. А что имеет значение?.. Всё. Хватит. Лучше не думать, не думать... Мм... Как болит голова!словно кто-то живой её раскалывает изнутри. Маринка говорила, из головы Зевса так рождалась Афина Паллада... Паллада, Паллада. Афина Паллада. Фрегат Паллада. Кто написал «Фрегат Палладу»? Господи, кто же написал? Хотя разве это имеет какое-то значение? Тут важное другое: когда будет следующий допрос? Этот уже точно будет с пристрастием. Полковник обещал двух бугаев, которые знают своё дело. Боже, дай мне силы! Ой... Ульяна хотела взять со стола кружку, чтоб промочить сухое горло, но только взялась за кружку, тут же брезгливо пролила её – со стола, тонко пискнув, прыгнула большая крыса. Ульяну передёрнуло. Но нужно привыкать... Дознание с пристрастием. Дознание с пристрастием.

Вдруг послышался лязг открываемых запоров и дверь со скрипом раскрылась. Потом Ульяна услышала резкий голос: – Семёнов, оставь нас.

– Слушаюсь, – отозвался, по-видимому, Семёнов. Немного потоптавшись в камере, надзиратель вышел в коридор и прикрыл дверь, оставляя офицера, или кто он там? наедине с Ульяной.

– Как вам спалось? – приветливо проговорил пришедший. Ульяна приподнялась с нар и мутно, неторопливо смахивая со лому с волос, посмотрела на говорившего. Им оказался маленький худощавый человек, облачённый в синий костюм и брюки в белую полосочку, только что изящно севший на табурете. На шее вместо галстука, как у артиста, у него красовался голубой платок, повязанный под белой рубашкой. Сквозь круглые очки на неё насмешливо смотрели близорукие карие глазки. Ясно, подумала Ульяна, этот субъект из Службы Безопасности. С ними нужно держать ухо востро. Надо же какой забавный! Однако сколько же ему лет? Тридцать? Но стрижка уже с сединой. Сорок? Пятьдесят? Что ж, в пятьдесят встречаются довольно молодежавые. Да чихать мне на это. Не выходить же мне за него.

Повернувшись к нему, она осталась сидеть на нарах, напряжённо сжимая ноги в шерстяных носках.

– Хотя при вас мандата не оказалось, – энергично заговорил субъект. – Но мы выяснили кто вы и откуда. Вы Ульяна Марусина, жительница деревни Солёный жмых из Вязниковского района. Верно?

– Надо же, – иронично усмехнулась Ульяна. – Быстро вы обо мне всё разузнали.

– Ну, если правду сказать, – улыбнулся польщённый эсэбэшник. – Ещё не всё. Ещё не всё.

– Если вы на счёт какой-то запрещённой организации, то я уже полковнику всё сказала.

То есть, что к ним не имею никакого отношения.

– Вы меня не совсем правильно поняли. Это и ослу ясно, что какой же вы представитель антигосударственных сообществ! Они пользуются не такими наивными способами агитации. Меня просто интересуют ваши мотивы. Зачем вам, собственно, это было нужно? А?

Уля вновь подумала, держи с этим ухо остро и зря языком не мели.

– Кстати, давайте познакомимся. Меня зовут Савва Юрьевич Альфонский, – сказал он и протянул свою маленькую гладкую ладонь с перстнем на мизинце, пытаясь пожать руку девушки. Ульяна резко, как будто навстречу ей устремилась гадюка, отдернула руку. Альфонскому это упрямство не понравилось, но он искусно заgrimировал своё недовольство равнодушной гримасой.

– Вообще за речи, направленные против главенствующей власти, да ещё в публичных собраниях, полагается наказание... сроком.... Ну, ну, не буду вас раньше времени пугать. Вы совсем ещё юная, но всё-таки уже

совершеннолетняя. Так что должны отдавать себе отчёт в ваших поступках и словах.

Савва Юрьевич снял очки и начал их тщательно протирать. Без очков его лицо с вытянутым носом напоминало мордочку крота.

– Да, вы должны отдавать полный отчёт. Но мне всё-таки интересно понять, почему такая милая возвышенная девушка, вместо того, чтобы найти более достойное применение своим талантам, например, попробовать вступить в молодёжное крыло Всеединой партии, – выступает со странными речами на сцене, где кривляются паяцы. А то, что речь ваша была странна, это было понятно всем в зале, чего бы они вам в ответ не кричали. За такие вещи многие в психушку угодяют, и не выходят оттуда уже до конца жизни.

Но против вас лично я ничего не имею. Вы мне чем-то симпатичны, – сказал Альфонский, наконец, закончив протирать очки. Через три секунды они, блестящие, как нарядные витрины центра города, уже были на прежнем месте. – Но, – Савва Юрьевич пристально поглядел на Ульяну, всё пытавшуюся понять, какую он с ней ведёт игру. – У определённых органов есть к вам претензии. Тем более ваш проступок стал известен губернатору. Это всё усложняет. Представление проходило по её личной инициативе, чтобы немного рассеять тревогу, которая поселилась в душах обывателя в последние дни. Не будем обсуждать качество этого представление. Безусловно, это не комильфо, но людям нужна какая-то разрядка, а тут вы с вашей выходкой. У губернатора довольно тяжёлый характер. Она не любит, когда мешаются под её ногами и срывают её замыслы. Опасайтесь её, Ульяна. Если захочет, она сможет вас уничтожить, сгноить. Нам (Уля подумала, кто это *мы*) пришлось применить немало усилий, чтобы уговорить её не наказывать вас по причине вашего юного возраста и чистоты вашего сердца. А то, что сердце ваше чистое, не вызывает никаких сомнений. И что же! Представьте, мы добились своего. Ибо иногда даже тираны бывают великодушными. Если, конечно, их правильно обработать.

– Что вы этим хотите сказать? – возмущённо ответила Уля. – Я на вас работать не буду.

– Хе, хе, хе, – вдруг снисходительно рассмеялся Альфонский. Ульяна готова была его убить за этот смех. – Милое дитя. – От вас этого никто и не требует. Хе, хе, хе. – Как всё-таки иногда бывают наивны молодые люди! Хе, хе, хе. – Не унимался эсэбэшник, толи издеваясь, толи искренне смеясь над простодушием девушки.

– Перестаньте паясничать! – вдруг решила прекратить этот спектакль Ульяна.

– Ладно, ладно, – успокоился Савва Юрьевич, опять начиная протирать очки. – Просто Инесса Власьевна вас простила, и дала указание, чтобы вас... выпустили. Не правда ли благородный поступок?

– Как выпустили, – не поняла Ульяна. – Разве у неё на это есть полномочия?

– В связи с нависшей над областью опасностью, – надев очки, серьёзно, напуская на себя налёт официальности, сказал Альфонский. – Центр наделил её на время борьбы с волками практически абсолютной властью. Так что, девушка, вы свободны. Впредь постарайтесь не

попадать трагикомические ситуации, а то вам будет уже не так просто выбраться из них. Ко мне вопросы есть?

Ульяна во все свои огромные глазища смотрела на этого странного человека и не могла понять: радоваться ей или нет.

Тем временем Альфонский встал, подошёл к двери, открыл её и крикнул надзирателя. Впрочем, Семёнова кричать не нужно было. Он стоял за дверью.

– Проследи, чтобы барышня ничего не забыла. Прощайте, юная сильфида.

Волки!

Ночь 9-ого декабря. Среда

Согласно пророчеству, в день Рагнарёка (гибели богов) огромный волк Фёнрир освободится от своих пут и проглотит Солнце, погрузив мир во тьму.

Из германо-скандинавской мифологии.

В окнах деревни зажигались огни. Люди выходили из домов. Многие были с ружьями, при чём ружья были не только у мужиков, но и у женщин. У кого не было ружей, те светили факелами и слюдяными фонарями с горящим огарком внутри. От пляшущего огня стёкла изб как будто плавилась. Рябинин и Жуков смотрели на это зрелище, как на карнавал, и не знали, что им делать. Так и стояли вкопанными возле своей машины, пока сзади не услышали голос бабки Улиты, вышедшей на крики и огонь.

– Думала пожар случился, а это, видать, возвратились наши охотнички. Только не понять: удачная была охота или нет. Ох, чувствуется последнее. Прогневил мы Создателя!

И не слышно, шевеля бескровными устами, начала креститься. Тем временем показались и сами охотники. Две верещавшие лошадёнки пытались вырваться из-под опеки твёрдо державшего их за вожжи Хлура Зотова. Как древнегреческий возница колесницы, он, напрягая каждый мускул, страшно гримасничая, стоял, чуть поддавшись назад, на розвальнях с намотанными на рукавицы вожжами. Треуха на нём не было, может, потерял, а может, упал в сани. На самих санях вповалку лежали горе-охотники. Не доезжая до машины метров пятьдесят, Хлур с невероятным усилием, натянул вожжи так крепко, что лошади привстали на задние ноги и, подчиняясь фантастической мощи мужика, наконец, встали.

– Тппрру! Стой! – скомандовал охрипший Зотов. Жуков и Рябинин ринулись навстречу к ездокам. Когда они прибежали, там уже толпился немногочисленный народ деревушки. От лошадей шёл пар, с морд на снег обильно падала пена и лошади хрипло и тяжело дышали, быстро втягивая и расширяя свои рёбра. Зотов привязывал вожжи к торчащей из-под снега кочки замысловатым узлом. Никто ничего не спрашивал. И так всё было ясно. Произошло то, что никогда не происходило: волк одолел человека. Вместо шести охотников в санях оказалось лишь четыре, считая и Хлура. Один тихо стонал и держался рукой за правое бедро, которое в свете факелов и фонарей, казалось пропитанное маслом, но все понимали, что это кровь.

– Потерпи, потерпи, Яша, – сказал подошедший к нему долговязый Лаврушка Фролов и по-отечески похлопал его по плечу.

– Мужики, чо стоим-то? А ну помогите, – зыкнул Игнашка Буров.

И тут сразу отыскалось несколько помощников, среди которых был Рябинин с Жуковым.

– Эй, кто тут рядом живёт, – взял инициативу в свои руки Жуков. – Одеяло какое-нибудь побольше принесите.

– Федька, живей носи давай одеяло, которое на печке, – сказала зычным голосом крепкая, ещё не старая женщина с ружьём на спине подростку, видимо, своему сыну. – Федька, больше-ротый со смышлёными глазами мальчишка, бросив факел на снег, кинулся в ближайшую избу,

помещавшуюся как раз напротив саней. Через минуту он вернулся с просторным шерстяным одеялом. Дождаясь его, Хлур Зыков, Игнат Буров и Лавр Фролов печально глядели на стонущего товарища, ничего не предпринимая для его помощи. Но как только появилось одеяло, пошла суетливая работа. Хотели сразу Яшку переложить на одеяло, но он так закричал, что решили переменить тактику. Жуков предложил вообще не трогать больное бедро. Насколько будет возможно запихнуть под спину одеяло, потом, взять Яшку подмышки и затащить на оставшуюся часть одеяла. Так и сделали. Пришлось Яшке потерпеть. Но он уже не кричал, а лишь, стиснув зубы, глухо стонал. Когда же он был затащен на одеяло, мужики, что покрепче: Хлур, Жуков и два местных детины, ухватив руками концы, потащили его в дом Федькиной матери. Ещё до их прихода Фёкла, так назвал её один мужик, кстати, весьма расторопная баба, засветила побольше лучин и набросала в жаровную трубу самовара угля, чтобы вскипятить воду. Когда раненого втащили в горницу, Фёкла сказала, что так, как кровати у неё нет, а лавки не так широки, то Яшку надо класть на пол, на который она наложила половиков. Кроме четырёх тащивших мужиков, в избу вошли Федька и местная знахарка тётка Аксиныя. Остальных, в том числе и двух охотников она прогнала. Когда все вернулись к саням, Буров и Лаврушка поведали жителям деревни свою бесславную битву.

Далеко за полночь, наверно, в два часа охотникам показалось, что волки не пойдут через тот участок поля, который охотники наметили для пальбы по зверям из кустов подлеска. Яшка, как дурак последний, орал, невзирая на грозный окрик Чушева, что сегодня не придётся им заработать ящик водки, и костил пилотов цеппелина на чём только свет стоит. К перебранке Яшки и Филатыча присоединились и другие, совсем потерявшие бдительность. Несчастный Чушев всем, обосновывая свою позицию особенностями «военного времени» и данных ему полномочий, грозился трибуналом. Но его уже никто не слушал – все, кроме Лукьяна Кулиша, советовали сменить место дислокации и, теряя остатки последнего разума, углубиться в поле. Вдруг немногословный Кулиш, потомок славного латышского стрелка, всех перекричав, призвал прислушаться к странному звуку. Все разом притихли, прислушиваясь, и вскоре охотникам стало ясно как дважды два, что это таинственный звук принадлежит не ветру, не крику полярной совы, не слуховым галлюцинациям, а настоящему волчьему вою.

Сначала он был слегка слышным, обыкновенным воем голодного зверя, который обычно доносится с околицы сёл. Но постепенно, заставляя леденеть сердце и крепче прижимать к груди ружьё, стал нарастать, отдаваясь сверхъестественным эхом, говоря о несметном количестве бредущего хищника, которого ничто не может остановить, который, если он захочет, сможет пройти и огонь и ледяную воду; и вот буквально через какие-то пять-семь минут этот цепенящий, не знающий милосердия, вызывая дрожь во всей этой слабой человеческой плоти, вой превратился в сплошной гигантский глас холодной и бездонной Вселенной, которая

покровительствовала неведомому слепому разуму огромной волчьей стаи, упрямо идущей вперёд; Вселенной, которая одновременно – и освящала страшную жажду крови для безжалостной стаи, и принимала от неё, как языческую жертву, пролитие этой крови, кому бы эта кровь не принадлежала: зайцу или оленю, собаке или овце, лошади или человеку.

Люди как зачарованные слушали эту песню и не знали, что им следует делать. Лошадки как сошли с ума. Ощущая в жилах лютый ужас, они залиvisto ржали и, как предупреждал Хлур, бились копытами о мёрзлый лёд чуть не добираясь до земли. Если бы они не были хорошо привязаны, особым охотничьим узлом, ей-богу бы, вырвались на свободу, обрекая себя и людей на лютую смерть.

Наконец показались и сами волки. Это было что-то доселе невообразимое. Они шли не гуськом, как обычно, а пёрли сплошной, колышущейся серебром массой. Сколько их на глаз? Сто? Двести? Триста? А может... Святые угодники! Чур, чур меня! Разум потеряешь от такого зрелища. Но разум терять не нельзя. Иначе кранты. Так же и самообладание. Никак нельзя. А что же можно? Что же, япона мать, можно?... Ничего! Чушев каким-то чувством понял, что

стрелять не следует. Ведь им, в конце концов, нужны не люди, а олени. По их следам и идут. А глупыми выстрелами охотники только разозлят стаю. Надо было уходить, пока не было поздно. Он дал знак, хорошо видящему его Игнату Бурову. Буров понял и дал знак Хлуру Зотову, тот другому, и так по цепи каждому было сообщено, чтобы люди незамедлительно уходили. Казалось, сделать это было возможно. Стая пробиралась полем, забирая чуть правее подлеска, где лежали охотники. Осторожно вставая на лыжи, люди стали отходить к саням, где с совсем измучанных лошадей лил пот, замерзающий под брюхом. Не известно, что могло привлечь внимание волков, скорей всего ржание лошадей, которое было уже тихим, редким и хриплым, так как крайние волки остановились, нюхая воздух, и учуяв, а после этого и услышав несчастно бьющуюся жертву, дали знак остальным остановиться. Стая остановилась, и эти крайние волки, образовав волчий арьергард в численности около пяти десятка осторожно поплелись в сторону подлеска.

– Филатыч! – с ужасом крикнул Яшка. – Они идут на нас.

– Не ссы, Юродов, – ответил ему дед Чушев. – А то яйца отморозишь. Спокойно отходи и не вздумай стрелять, а то повернёшь на нас всю стаю.

– Да как же не стрелять, – голосил, потерявший ум Яшка. – Они же идут прямо на нас.

Игнат Буров, первый пришедший к саням, безуспешно пытался успокоить лошадей, но отвязывать их от берёзы не рисковал, чтобы они одни, без людей, не дали дёру.

– Мужики, – поторапливал он товарищей. – Быстрой, быстрой, если не хотите, чтобы от нас остались рожки да ножки.

Уже подошли и Хлур Зотов, и Лавр Фролов, а остальные что-то замешкались. Бестолковый Яшка Юродов зачем-то снял с плеча ружьё, и, опасно щупая пальцем курки, начал целиться в передних волков, которые уже учуяли человека, но, кажется, не имели никаких злых намерений. К нему подбежал на лыжах дед Чушев и в приказном тоне велел опустить ружьё. Но Яшка, не двигаясь, стоял на месте, как заворожённый, не решаясь опустить ружьё.

– Лукьян, останься пока, – попросил Филатыч. – Видишь, парень совсем чокнулся.

Кулиш, утвердительно мотнув головой, встал по левую сторону от Яшки. Чушев уже стоял по правую, и, ухватившись за ружьё Юродова, пытался отвести дуло ружья в сторону. И тут произошло непоправимое. Не справившись с нервами, Яшка всё-таки вырвал ружьё у Филатыча и, почему-то закрыв глаза, выстрелил сразу двумя патронами из двустволки. Раздался не очень громкий щелчок, за которым последовал визг смертельно раненного волка, идущего впереди. Тот от жуткой боли начал неприкаянно кататься по снегу, взъерошивая вставшую дыбом шерсть.

– Идиот, зачем? – вырвалось у Филатыча, после чего он со всего маху выбил у Юродова ружьё. Только не надо было выбивать оружие. Погорячился здесь дед. Избежать боя уже было невозможно. – Лукьян, – крикнул дед Чушев Кулишу, – стреляй. Всё-равно они нам попытаются отомстить.

Достойный потомок латышского стрелка быстро выхватил ружьё и выпалил по волку, который лизал рану визжащего волка. Это упал замертво. Сначала волки растерялись, но потом, видя, что их расстреливают, кинулись на стрелявших. Страха, как у обычных стреляных волков у них не было, ведь их было так много. Коллективный разум диктовал какую-то оголтелую смелость. Чушев тоже схватил ружьё, стрельнул, и – дал промах. А, заваривший всю эту кашу Яшка, быстро поднявший выбитое ружьё, держал его уже безвольно дулом вниз и пятился назад. Первые десять волков сначала свалили Кулиша и перегрызли ему горло и изуродовали лицо. Следующей жертвой стал начальник: дед Чушев, которому матёрый самец двумя рывками острых челюстей разорвал на животе тулуп, другой, не меньше, уже лежащему на спине хрипящему Филатычу добрался до голого живота и быстро выпустил кишки. Исключительно злая и ярая волчица подбежала к плачущему Яшке и вцепилась челюстью в его бедро. Уже смирившейся со всем, Яшка рухнул на снег, где волчица, очень ловко работая, буквально

за пять секунд изодрала ему весь бок. Она уже собиралась подобраться к его горлу, как со стороны раздался дружный ружейный огонь, подстрелив сразу трёх волков, в том числе и злую волчицу. Это Буров, Зотов и Лаврушка, видя гибель своих товарищей, запалили по распаявшимся хищникам. Не ожидая такого напора, волки трухнули и отошли на несколько метров назад. Зотов и Буров подбежали к месту драмы и, увидев мёртвыми Чушева и Кулиша и сразу оценив ситуацию, что этим уже не поможешь, взяли только под мышки стонущего Яшку, потом быстро потащили его к саням, пока Лаврушка, ещё не потеряв остроту зрения, палил по волкам. Когда добрались до саней, Хлур, откинувший лыжи, быстро развязал узел и еле успел вскочить на сани, так как лошади сразу рванулись с места и помчались как оглашенные. Пока Хлур правил, Игнат и Лаврушка стреляли по пытающимся вначале преследовать сани волкам. Однако волки преследовали их не долго, и, потеряв несколько своих собратьев, вскоре повернули назад. Эти выстрелы по нёсшимся за санями волкам и были услышаны в ближних домах деревни, хозяева которых заранее начали оповещать о приближающихся охотниках. Всё остальное было уже известно.

Рядом с тремя незадачливыми охотниками стояли люди с факелами и фонарями и обсуждали случившееся.

– Нет, волки к нам не пойдут, – сказал один бородатый и плечистый. – Они явно не собирались сюда наведываться.

– Конечно, не собирались, – поддержал его худой с висячими – всеми уже в сосульках – усами. – Вчера прошли там олени. Вот они по их следу и идут. Тем более им показали, что если им отклоняться от следа влево, вместо оленятины получишь свинца.

Пока обо всём этом говорили, от лютого холода прыгая и стуча друг о друга ногами, раскрылась дверь и вышла усталая Фёкла.

– Ну, что там? Как раненый?

– Ой, не знаю, – озабоченно проговорила она. – Дюже много крови потерял. Аксинья никак не могла остановить. Говорит, может до рассвета и протянет. Но точно уже не жилец. Уже бредить начал.

Крестьяне перекрестились. Вот она жизнь человечья. Кому Бог даёт и до ста лет прожить, а кому – лишь двадцать с небольшим.

Через полчаса вышли мужики, которые до этого тащили Яшку на одеяле. Среди них был и Жуков, и Хлур Зотов. Ночь была темна, но уже чувствовалось, скоро засветлеет восток, предвосхищая новый, полный труда и тревог день.

Часовой мастер

9-е. Среда

Ты мог бы уместить вселенную в цветке,
Как бездну времени пергамент Августина?

Гюнтер Эгельмаун. Часовщик.

Когда Ульяна вышла за ворота Централа, красного трёхэтажного здания, построенного ещё по приказу Екатерины Второй, она уже знала, что за ней будут следить. Не очень-то она надеялась на великодушные подобных типов, как Савва Юрьевич. Да и от губернаторши, этой беспринципной, злопамятной, не способной на какое бы то ни было благородство женщины, она даже во сне не могла ожидать поблажек. Так. Что же для начала ей надо сделать? Идти на прежнюю квартиру, находящуюся недалеко от центра города, где они остановились с Мариной, конечно, ни в коем случае нельзя. Если бы она уже связалась с организацией! Но кто ей там сразу поверит? А вдруг она из Службы Безопасности? Значит, остаётся только одно: гулять вокруг центра города. В центре нельзя – слишком будет мозолить глаза её крестьянский наряд: тулуп, шерстяной платок и эти жалкие опорки. (Тулуп на неё накинули полицейские, когда выходили из балагана. А то пропал бы. Надо же, какая трогательная забота!) По окраинам же ходить было нецелесообразно. Трудно её будет здесь Маринке отыскать. Так что самое логичное это ей бродить между помпезным центром и убогой окраиной. Альфонский, добрейшая душа, выправил ей мандат, ибо мандат сельским жителям вообще не полагается, за исключением охотников. Удивительно, как её до сих пор не сцапал патруль? У Маринки, например, есть. Она более продвинута в этих делах. Ещё в «Солёном жмыхе» наладила связь с недовольными из ближних посёлков. Там ей и выправили мандат. Говорила, что когда приедут во Владимир, ей, Уле, тоже выправят. Только всё не получалось. Вот и получилось – выправили.

Как же всё-таки дать о себе знать ей? Должна же была Маринка следить за воротами Централа. На словах просто. А только попробуй на сорокаградусном морозе весь день торчать, дожидаясь неизвестно чего. Хотя одета она более привычно для города, чем я. Дублёная шуба, пимы, пуховая шапка, как у нанайцев, шарф с помпонами. И вообще она гораздо интереснее меня. Широкое лицо, чёрные глаза, опущённые длинными ресницами, густые чёрные волосы, заплетённые в косичку-колосок, медные колечки ушах, полные губки, которые, когда растягивает в улыбке, так выгодно преображают её облик, что сразу можно в неё влюбиться: в эти ямочки на щеках, в эти блестящие лукавые глаза. Где же ты моя красавица-хохотушка? Однозначно, я чувствую, что она уже знает о моём освобождении и ищет повод дать незаметно мне какой-нибудь знак. Ведь она тоже прекрасно понимает, что меня выпустили в качестве наживки. Ох, как холодно! А я со вчерашнего дня ничего не ела. Но ничего лучшего не остаётся, как бродить на границе центра и окраины.

Раз Ульяне встретился патруль. Спросили мандат. Она показала. Капитан посмотрел и отдал, не задавая никаких вопросов. Вообще, эта граница между центром и окраины была интересна с точки зрения социального деления. Принадлежащие ещё центру трёхэтажные здания, специфической архитектуры – помесь модерна и ампира, – где помещались конторы юристов и нотариусов, мелкие закусовые, ателье, парикмахерские, очерчивались неровной лентой дороги, по которой циркулировали уродливые автобусы, иногда сворачивавшие в недра окраины, наводнённой бесформенными бараками, заводилками, машинными мастерскими и мелкими ремонтными контрами. Что ж, здесь можно побродить, только осторожно, петляя и

держаться возле невысоких кирпичных домиков, чтобы Маринка была уверена в том, что когда она меня окликнет, никто из посторонних, даже собака, не могла заподозрить никакой каверзы.

Всё-таки, как хочется есть. Как нарочно булочная разливает такой запах!

Чтобы не чувствовать этот соблазнительный запах, Уля перешла дорогу на сторону окраины. И тут в глаза ей бросился безликий двухэтажный дом, которых здесь было много. Отчего-то, не зная почему, она задержала на нём внимание, и этот интерес оправдал её ожидание. Ворота, ведущие во двор, вдруг как бы без видимой причины приоткрылись и за ними мелькнула фигура. Уля насторожилась, потом, оглянувшись, быстро подошла к дому, и незаметно скользнула за ворота во двор, где стояли ветхие сараи и на верёвках дубели серые простыни. В доме был один единственный подъезд с жалобно скрипящей на ржавой петле дверью. Ещё раз оглянувшись, Уляна тут же зашла в него. В подъезде было мрачно. Одна лестница вела наверх, другая – вниз, в подвал. Только она занесла ногу на ступеньку, ведущую наверх, как из подвала, тянувшей вонью, раздался тихий шорох, словно кто-то хотел привлечь её внимание. Уляна остановилась, огляделась и сделала попытку спуститься вниз. Но не успела. Снизу шёпотом прозвучал высокий юношеский голос.

– Стойте! Я от Марины. Времени мало. Слушайте и запоминайте. Сегодня в час дня зайдите в часовую мастерскую, что отсюда через два дома. Пароль «Можно ли у вас купить часы с серебристым браслетом?», ответ «Подобные часы сейчас большая редкость, но для вас, куда ни шло, что-нибудь подыщем». Всё теперь идите. И знайте, за вами следят.

Ульяне не надо было дважды повторять. Она быстро вышла из дома, потом со двора. Надо заметить, где это мастерская. Ах, вот она. Вон вывеска. А теперь поскорей отсюда. Нужно побродить в других местах. Она поглядела на свои простенькие часики. У меня в запасе ещё два часа. Теперь можно углубиться и в окраину. Только место надо запомнить.

Теперь, блуждая между лачугами и бараками, Уляна чувствовала себя гораздо уверенней. Тут было больше шансов остаться незамеченной. Она то петляла из одного двора в другой, то быстро проходила по редким заснеженным скверам, то ловко сворачивала в барачные проезды. Таким способом, избегая ненужных взглядов, Уля к назначенному сроку вынырнула из глубины улиц и быстро прошла к часовой мастерской, которая располагалась в таком же безликом двухэтажном бревенчатом доме с каменным низом, как и тот, где ей сообщили пароль, и, судя по размеру двух окон, занимала небольшую комнату на первом этаже. Уляна уверенно толкнула дверь и услышала звон колокольчика, сообщающий о приходе посетителя. То, что она увидела, было вполне ожидаемо. Полутёмное помещение было всё сплошь и рядом заполнено часами различных конструкций и размеров. Все они тикали, вращали колёсиками, качали маятники и издавали звон (по крайней мере, когда она зашла, несколько старинных часов издавали утробный бой). За прилавком, освещённым керосиновой лампой, сидел пожилой мастер и возился, очевидно, с небольшим часовым механизмом с монокуляром в левом глазу. В помещении было довольно прохладно, и поэтому на него была накинута телогрейка. Услышав звон колокольчика, он посмотрел на посетителя и опять углубился в свою работу. Уляна несмело подошла к мастеру и спросила:

– Можно ли у вас купить часы с серебристым браслетом?

Он оставил часы и, посмотрев на неё, ответил:

– Подобные часы сейчас большая редкость, но для вас, куда ни шло, что-нибудь подыщем. Седой чуб спадал на лоб и глаза с морщинами на углах немного смеялись.

– Ну и натворили вы дел! Но, видимо, для первого раза вы легко отделались. Но, учтите, вы уже проколоты, засвечены. Вы будете всегда находиться в поле их зрения. Ну и мы не лыком шиты. Чего-нибудь придумаем. А теперь пойдёмте вниз, вас там заждались.

Мастер взял табличку с надписью «Обед», пошёл к входной двери, повесил её снаружи и закрыл дверь на ключ. Потом, спросив, не заметила ли она за собой хвоста, и, получив отрицательный ответ, поднял керосиновую лампу и раскрыл занавеску, висящую сзади его рабочего

места. За ней находился ход, ведущий, очевидно, вниз. Ещё раз оглянувшись, он кивнул Уле и устремился в него. Ульяна двинулась за ним.

Ход уводил вниз по весьма крутой деревянной лестнице, и мастер всё время поддерживал девушку за руку, свободной рукою освещая темноту керосиновой лампой. Наконец они спустились вниз, где было намного теплее. Впереди, недалеко от них, находилась деревянная дверь без ручки, по краям обитая жестью. Мастер подошёл к двери и три раза постучал, сделал паузу и ещё постучал, теперь только два раза. За дверью послышались шаги, и звук отпираемого замка. Когда открылась дверь, перед взором Ульяны предстало полное беспокойства широкоскулое лицо Марины. Ничего не говоря, она кинулась на шею подруги и крепко стиснула её в своих объятиях.

– Ох, глупышка, ты глупышка, – взволнованно и нежно, совсем без укора, выпалила Марина. Потом освобождая её от объятий, сказала: – Заходи, моя радость. Аркадий Павлович сейчас тебе всё объяснит.

В комнатушке, куда за Мариной зашли Ульяна и часовщик, Аркадий Павлович, на столе горел огарок свечи, освещавший скудную обстановку закутка. К стене был приставлен продавленный диван с протёртой плюшевой подушкой, у стола стоял ветхий стул.

– Аркадий Павлович, когда тебя арестовали, пристроил меня сюда, так как на прежнем месте оставаться было нельзя. Присаживайтесь.

Часовщик и Ульяна сели на диван, а Марина опустилась на стул.

– Я ещё два дня назад через одного человека, имеющего дело с хозяйкой прежней квартиры, познакомилась с этим милейшим человеком, – задумчиво произнесла Марина. – Только тебе ничего не сказала... Господи, но ты наверно, голодная? Я уже приготовила тебе кое-чего перекусить, ибо надеялась, что всё обойдётся.

С этими словами она поднялась, подошла к столу и с дальнего края, на котором из-за темноты ничего нельзя было разглядеть, достала термос и тарелку, накрытую другой тарелкой.

– Сначала поешь, а потом расскажешь, чего там от тебя допытывались.

На тарелке оказалась пшённая каша и кусок чёрного хлеба, с которыми голодная Ульяна расправилась в три минуты. В термосе же было горячее молоко. Выпив кружку, Ульяна сказала, что наелась.

– Ничего ты не наелась, – надулась Марина. – За меня не переживай, я вполне сытая. Это всё тебе.

– Нет, правда, Марина, – я наелась.

– Вредина. Я для неё старалась. А она!

– Маринка, какая всё-таки ты прелесть.

– Не подлизывайся. Тебя ещё за вчерашнюю выходку следует выпороть, – сказала Марина, закрывая колпачок термоса. – Потом допьёшь. И не смотри так на меня. Сейчас будешь отчитываться.

– Да, ладно, Марина, не осуждай её, – откликнулся Аркадий Павлович, который сидел, закинув ногу на ногу, в углу дивана. – Мне, кажется, следует переходить к вопросу о вашем будущем пребывании в городе. Сперва надо выслушать Ульяну, к чему её склоняли в застенке.

Не торопясь, обстоятельно Ульяна всё им рассказала. И о ночном грубом допросе, и об утреннем посещении льстивого эсэбэшника.

– У этих так заведено, – сверкнув глазами, сказал Аркадий Павлович. – Мягко стелют. Ищут зазоринку, чтобы уцепиться.

– А вы, если не секрет, – набралась храбрости Ульяна. – Какую организацию представляете? «Вперёд, Че Гевара!»?

– Нет, не её, – серьёзно ответил он. – «Под знаменем Сталина».

– А мы хотим «Вперёд, Че Гевара!»

– Да на здоровье! Вы ведь ещё молоды. Вас же больше привлекает деятельность, чем теория. Ребята там хорошие, только часто неразумно поступают. В принципе, это болезнь роста.

– А вы с ними свои действия как-то координируете?– уже вступила в разговор Марина.

– Да, о чём-то нам с ними однажды удалось договориться, – грустно усмехнулся Аркадий Павлович. – Но, увы, далеко не во всём. Ведь они считают себя самыми прогрессивными. А нас уже динозаврами. Особенно острые у нас с ними разногласия произошли, разумеется, насчёт личности Сталина. Не принимают его жёсткую линию. Говорят, нынешняя власть много чего унаследовала от Отца народов. Одни бараки, говорят, чего стоят. И не понимают, что не Сталин создал тот страшный ГУЛАГ, а приспособленцы, извращённо понимающие классовую борьбу. Конечно, сама по себе лагерная система в условиях Гражданской войны (а Гражданская война продолжалась вплоть до сорокового года) мера была вынужденно необходимая. Но только лагерные начальники (особенно *пять самых главных*), которые возомнили там себя царьками и поэтому могли издеваться над людьми, сколько им душа желает, несут самую большую вину. Тоже самое с расстрелами, кстати, в сто раз завышенными. С коллективизацией тоже много вопросов. Но не будь её, не смог бы народ в кратчайший срок построить индустрию, а без неё уже невозможно было выстоять в Великой войне. А это в свою очередь несло физическое уничтожение народа.

– Значит, за счёт малого зла, – подытожила Марина. – Была решена проблема большего зла.

Аркадий Павлович с досадой отрицательно покачал головой.

– Вот и ваши чекеваристы так же говорят, не понимая, что перед страной стояла титаническая задача: выстоять во чтобы то ни стало! Иначе гибель, смерть, аннигиляция. Поэтому часто людей, которые не принимали интересы своего народа, приходилось репрессировать, тем более среди них на самом деле было много врагов. И опять же процессы велись многими неполноценными с точки зрения морали людьми

– Ой, да чего спорить-то, – вновь вмешалась шустрая Маринка. – Всё равно же той страны уже нет. Ныне всем заправляет бездушная чиновничья власть, которым присылает директивы ещё более бездушный Центр, ибо никого из обитателей этого мистического топонима никто никогда и не видел. Может, Центром управляют инопланетяне-рептилоиды? В моём понимании это какой-то спрут, который своими щупальцами отравляет региональную власть, и она, отравленная ядом равнодушия, живёт в своей башни из слоновьей кости, не думая о проблемах, работающего на её благо большинства.

– Для этого мы и работаем, чтобы сместить эту бесчеловечную власть, – воодушевлённо сказал Аркадий Павлович. – Только к великому сожалению оппозиция разнородна и не способна выработать общей стратегии. Вот вы, милые девушки, хотите стать чекеваристками. Поэтому анархических проявлений вам не избежать.

– Я слышала, – что кроме нашего социалистического фланга, существуют ещё и язычницы-ведисты, – пытаюсь уклониться от больной для Аркадия Павловича, как ей казалось, темы, спросила Ульяна. – Кстати, у нас в деревне это язычество очень сильно проявляется, несмотря на то, что все носят кресты.

– С ними вообще сложно о чём-нибудь либо договариваться, – буркнул часовщик, видимо, не считая их за серьёзных борцов с властью.

– Нет, вы не правы, – защитила их Маринка. – Мне ещё в деревне с некоторыми из них приходилось разговаривать. И мне показалось, что намерения у них самые серьёзные.

– Ну, тогда бы и шли к ним, – рассердился Аркадий Павлович.

– Нет, нам ближе по духу «Вперёд, Че Гевара!».

– Потому что ещё в вашей голове ветер гуляет.

– Но и вы нам тоже близки. Ведь цель у нас-то одна?

– Цель-то одна, – сокрушая эти наивные мысли, говорил Аркадий Павлович. – Да стратегии разные. Я бы даже сказал, что у отдельных борцов с режимом её совсем нет. Хотя, что попусту об этом болтать. Если решили, значить тому и быть. Всё-таки это лучше, чем быть членом молодёжного крыла Всеединой партии.

– И вы нам обещали помочь связаться с чегеваристами, – напомнила Марина.

– Да обещал. И слово моё крепко.

– Ой, – умилилась Ульяна. – Прямо как в старинных заговорах: и слово моё крепко. Только осталось закончить: аминь.

Аркадий Павлович странно посмотрел на неё, как бы говоря: и эти тоже принимаются за борьбу. Потом вдохнул и сказал:

– Сегодня вечером сюда должен прийти Митя, этот самый, что тебе, Ульяна, пароль сообщил. Вот он тоже собирается стать чегеваристом. Марина с ним уже знакома. У него скоро должна с ними произойти встреча. Ну, вот! Присоединяйтесь... Однако, мне уже пора. Как бы не заподозрили в чём. Вы же пока здесь оставайтесь. Запритесь и открывайте только на условленный стук. Если что, Марина знает, как выйти. Всё поняли? Прощайте.

И взяв керосиновую лампу, он отпер дверь и вышел. Как только послышались его шаги, поднимающиеся вверх по лестнице, Маринка заперла дверь и сказала Ульяне: – У меня прямо мурашки по телу пошли. Это же надо же, не сегодня-завтра может решиться наша судьба. Митя сказал, что им как раз нужны смелые и решительные девушки.

Потом, подойдя к Ульяне, опять обняла её, но только очень нежно.

– Если бы они тебя пытали, я не знаю, что с ними бы сделала! У! – и она грозно потрясла кулакам. Из-за плеча мелькнул хвост её небольшой косички-колоска. Ульяна была тронута до слёз. И, улыбнувшись, шепнула её на ушко: – Кошка. Дикая сиамская кошка.

Рыцарь без страха и упрёка

9-е декабря. Среда

Il a dit qu'il cherchait le Saint Graal depuis la moitié
de sa vie, mais il ne ressemblait à un fou.

Eugène Irel. Les fantôme du boulevard Voltaire.³

Когда Жуков и Рябинин на своём гремящем драндулете, после двух часов тряски по просёлку, опять выбрались на большак, солнце уже встало и светило в лицо. Но от этого веселей не было. Практически до самой бензоколонки молчали, безразлично куря папиросы. Каждый думал о своём. Жуков о том, что чего так жадно ждали, пришло. Только не очень-то от того радостно. Рябинин – о том, что будут привлекать армию, и тоже на это не радовался. А должен бы. Органы власти на местах будут ослаблены. Ведь весь вопрос стоял, как скоро управится армия с волками, а заговорщики с местной охраной. Было ли им жалко мужиков, которые были загрызены? А как же! Не люди они, что ли? Только те сами дураки, что согласились вшестером выступить против полчища хищного коварного зверя. И что за дурь! Из Гороховца их послали в Вязниковский район, а охотников из последнего, как говорил тот здоровяк, послали в Гороховской. Бардак! За этими размышлениями так и докатили до бензоколонки. Увидев её, Рябинин присвистнул.

АЗС представляла собой избу с печным отоплением, перед которой располагались четыре колонки. Эта бензоколонка, как и, соответственно, все нефтяные запасы родины, принадлежала некоему смуглому олигарху-инородцу. У заправочной станции сидел бородастый

---

³ Он сказал, что уже полжизни ищет Святой Грааль, но при этом вовсе не походил на сумасшедшего. Эжен Брель. «Призраки бульвара Вольтера». (фр.)

старик с драным треухом на голове и двустволкой за спиной, ремень которой прижимал грязный военный ватник на груди. Он, постоянно сплёвывая, беззаботно курил козью ножку. Подъехав вплотную к одной из колонок, Жуков, открыв дверь и, спрыгнув, весело крикнул: – Ты чо-же, борода, куришь возле огнеопасного места? Да и дым из твоей избушки – тоже фактор риска. Сам знаешь, шальная искра устоит тут тебе стихийное бедствие.

– Хе, – искренне усмехнулся старик. – Не бойсь, ничего не будет. Не то ныне положение звёзд. А если и будет, значит, судьба такая. – Потом, кинув окурочек на снег и затоптав его валенком, пояснил. – Я фаталист. Как Печорин.

– Так, ладно, Печорин. Заправь-ка мне этого зверя. Да не каким-то дизелем, а Н 50.

– Щас я те заправлю, – пообещал Печорин и, подойдя, к машине, прищурился. – Да, для этой модернизированной абракадабры с вертикальным взлётом подойдёт только Н 50.

– Вот талон на бесплатное топливо, – сунул Егор в руки деду синюю с печатью бумажку. Дед, пощупав бумажку, скользнул безразличным взглядом по её поверхности.

– Пойдёт. Бери пистолет и всовывай, куда все мужики всовывают. Хе, хе. – скабрёзно засмеялся дед-фаталист, обнажая пять-шесть зубов.

– Ты по этой части, видать, большой профессионал. – Сыронизировал Жуков.

– А как же! Можешь верить, не верить, а у меня в штанах не хуже этой штуки, – показал дед на пистолет, который Жуков уже всовывал в топливный бак.

– Тебе с такими талантами нужно на женскую фабрику, а не бензин наливатель унылым дальнотойщикам.

– А вот эту зиму покукую здесь и к весне, может быть, куда-нибудь в этом роде и подамся.

Алексей вместе с Жуковым спрыгнул на грязную наледь, образовавшуюся возле колонки, и был свидетелем этого диалога. Он с любопытством разглядывал этого озорного деда. Видимо, дед со всеми приезжавшими шутил таким образом. А чего ему остаётся делать, подумал Рябинин? Торчит целыми днями – со скуки сдохнешь. Вот, чтобы внести какое-то разнообразие в своё тягостное пребывание на АЗС, где не особенно часто останавливаются машины, где и Жуков ещё ни разу не останавливался, ему и приходится, ради поднятия настроения, заводить разговоры на подобные темы. Тем временем старик лукаво посматривал на Жукова с Рябининим, видно, изучал, какой эффект произвели на них его остроты. А Жуков, следя, как заливается бак, о чём-то задумался. Рябинин от нечего делать грыз кончик спички. Это затянувшееся молчание словоохотливому деду порядком начало надоедать. И поэтому, когда уже бак почти наполнился дизелем, напоследок он решил ещё раз похвалиться своими сверхчеловеческими возможностями.

– Эх, поблизости деревенька есть. Да только там одни трухлявые. Надоели. Я вот думаю, надо перебраться на бензоколонку, что рядом с Вязниками. Там молодых-то кобыл поболее будет. Эх, покуражусь! У меня там прямо штырь какой-то. По ночам покоя не даёт.

– Смотри, только, дядя, не очень задерживайся, – посмеялся Жуков. – А то волки придут, да от зависти и отгрызут твой штырь-то.

– А что, вправду, ребятки, волк с севера прёт? – уже не смеясь, спросил дед, и ушанку надвинул на макушку. Над красными скулами тускло блестели когда-то голубые глаза. – Кто говорит да, кто говорит – нет.

– Да как тебе сказать, чтобы не расстраивать, – продолжал глумиться над бахвалом Егор. – Сегодня ночью недалеко от Солёного Жмыха оставили три трупа, у которых, между прочим, когда они ещё не были трупами, имелись двуствольные стволы.

– Да ты что! – дед аж присел от неожиданной вести.

– Так что, батя, по ночам к вдовам не шляйся, – ухмылялся Жуков. – А сиди-ка в своей избушке. Хотя опять же, как ты говоришь, всё зависит от судьбы. – Закончил Егор. После этого перекрыл подачу топлива и вынул пистолет из наполненного бака и передал его в без-

вольные руки обомлевшего старика. Рябинин уже забирался в кабину, а Жуков занеся ногу на подножку, повернулся к сникшему деду, и весело выкрикнул:

– Ничего, Печорин, главное держи хвост или что там у тебя? пистолетом. Авось судьба помилует.

И влезши в кабину, закрыл дверцу, завёл мотор и направил машину на восток, оставив остолбеневшего старика наедине с охватившими его тревогами.

Сидя в машине, держась за обмотанный изоляцией руль и смачно жуя папиросу, – Жуков сказал: – Через пятнадцать километров будут Вязники. Это я к чему? Прежде чем доехать до Гороховца, не мешает узнать от наших людей – не ждёт ли нас там какая-нибудь ловушка?

– С чего-то это ты вдруг? – спросил товарища Алексей.

– Да так – коротко ответил Егор. – Сорока на хвосте принесла.

Минуту ехали молча. За окнами простирался лесотундровый пейзаж.

– А если серьёзно, – откликнулся Жуков. – Ещё в Солёном Жмыхе охотник тот... Чёрт, как же его звали? А! Зотов. Здоровый такой. Так вот перед нашим отъездом он вроде заикнулся, что в Гороховце в связи отбытия артиллерийской части в сторону Владимира, местные полиция успели прошерстить многие подпольные квартиры, опасаясь, чтобы наши не смогли своими действиями парализовать работу местных органов власти, когда они, если придётся, будут организовывать оборону против волков. Видимо, какая-то эсэбэшная сволочь просочилась в наши ряды, что, кстати, бывает очень редко.

– Что же ты мне раньше не сообщил, – сказал ошарашенный Рябинин и озабоченно сгрёб в кулак свою светлую бородку.

– А кто его знает, правда эта или здесь двойная игра тех же эсэбэшников, – ответил, кусая нижнюю губу, Егор. – Чо ты зря было беспокоить. Вот до Вязников доедем, и из верных источников всё узнаем.

Окрестности Вязников встретили путников лесом, перемешанным соснами и елями. Странно было видеть их высокими, не согнутыми сорокаградусными морозами. Снег пышно лежал на их иглистых ветках и блестел на уже поднявшимся солнце драгоценными самоцветами, напоминая картинки со старинных открыток. И видя всё это, просветлялась душа и оттаивало сердце, и возникала слабая надежда о неумиримости величественной природы, которая наперекор всем катастрофам и катаклизмам ещё способна оживать, неся истерзанному чувству человека умиротворение, радость, любовь. В нижнем ярусе, пытаясь защититься от холода и ветра, ютились несчастные берёзки, осины и рябины, бедные падчерицы лесотундровой зоны. *Шла берёза льда напиться, Гнула белое плечо. Увы, гнула, не разгибая.*

– А когда-то здесь росли сады, – произнёс задумчиво Егор. – Вишня, яблоня, слива. Арктические циклоны всё убили. Славяне очень чутки к красоте природы. Воспринимают её как живое существо. Это всё технократическая цивилизация способствовала всеобщей катастрофе, чьи плоды мы пожинаем сейчас.

– А сам-то ведь работаешь на произведённой этой цивилизацией машине! – ухмыльнулся Алексей.

– Да я ведь не против самих машин, – глубокомысленно ответил Жуков. – Машина должна помогать человеку, облегчая его труд. Именно, труд. А не умножать некоторым фантастические прибыли. Ведь своей жадной к получению сверхприбылей они в начале прошлого века практически уничтожили природу-мать. Сидя на собственном суку, его же и рубили. Эх, мозги куриные!.. Что такое! Смотри-ка, Лёха?

Впереди им сигналила фарами какая-то легковушка. Хоть солнце ещё слепило лучами глаза, но сигналы и через двести метров было трудно не заметить. Алексей спросил: – Может, подвох?

– Да не, – спокойно ответил Жуков. – Если бы мы им были нужны, они сразу бы нагнали полицейских, оцепили бы квадрат. Я по сторонам ничего такого не заметил. Это наши. Уже

оповестили о нашем задании по рации. Вот они нас, наверно, и хотят предупредить об опасности. Ба, и машина знакомая! Точно. Розовый Опель с антенной. И номер. Ну, вот не успели мы решить к кому нам с вопросами ехать, а нас уже нужные люди с ответами ждут. Телепатия! Хочешь-не хочешь, а поверишь в эти штуки.

Подъезжая к стоящему на обочине и вмятому в двух местах Опелю, Рябинин увидел высокого худощавого человека вглядывающегося вдаль. Как только тот увидел, что большегруз Жукова тормозит и съезжает к краю дороги, человек тут же выключил фары.

– Это Альберт Константинович, Первый Педагогический консул. Заведует в области вопросами образования, – сказал, останавливая машину Егор. – Поэтому так цивильно и одет. Поэтому и машину имеет.

– Шишка, – нашёлся только сказать Алексей, с интересом рассматривая его шикарную дублёнку с большим воротом и такую же дублённую ушанку с меховым отворотом впереди и повязанными сзади ушами. Ноги незнакомца согревали толстые ботинки на внушительной кожаной платформе.

– Не сомневайся, он наш, – сказал Жуков, заметив на изучающей физиономии Рябинина черты подозрительности. – Вылазь, парень.

Почти одновременно Жуков и Рябинин открыли дверцы, ступили на нижнюю ступеньку и прыгнули на дорогу. Перейдя дорогу, они приблизились к Альберту Константиновичу. Это был мужчина лет сорока пяти, чисто выбритый. Хотя губы улыбались, но тёмно-синие, со стальным отсветом глаза, были серьёзны и внимательны.

– Здравствуй, Егор, – протянул он белую аристократическую руку, освобождённую от перчатки, небритому Жукову. Тот в ответ подал свою, заскорузлую, и они поздоровались.

– А это наш новый товарищ, – отрекомендовал Жуков Алексея. – Алексей Рябинин. Проверен в деле.

– Душевно рад знакомству. Я Злобин, Альберт Константинович.

И Злобин протянул свою руку. Рукопожатие было долгим и крепким, и Рябинину это понравилось, убеждая его в том, что перед ним, несмотря на холёный вид и официальный лоск, человек искренне разделяющий взгляды *Велесова братства*.

– Ох, заждался я вас, братцы, – передёрнулся замёрзшим телом Злобин. – Давайте скорее сядем в мою машину. В салоне у меня значительней теплее.

Когда путники сели в его Опель, то они действительно почувствовали, что печка хозяина довольно-таки прилично работает, по крайней мере, способна поддерживать кровообращение в их брэнной плоти, настраивая теплом на какой-то домашний лад. Да и светящиеся на вполне исправной панели зелёные циферблаты, стрелки и цифры ласкали глаза, вызывая в памяти сиюминутные безмятежные впечатления. Стёкла были с подогревом, поэтому им не угрожала морозная наледь, и через них всё было отлично видно, не то, что на стёклах у Жукова, которому каждый раз приходилось их очищать от морозных художеств металлической щёткой. Да, здесь не как у Жукова – полный комфорт! Какие отговорки не придумывай, а товарищ-то высшего сорта. Вон у него и телефон имеется, заметил Алексей. Хотя, впрочем, и стоило ожидать, коль антенна торчит из крыши. Злобин и Жуков уселись на передних местах, Рябинин расположился на заднем, кожаном, тёмном, правда с большой заплатой из светлого дерматина.

Кратко и сухо сообщив о ликвидации подполье в Гороховце и услышав в ответ от Жукова, что это им уже известно, хозяин «Опеля», не поинтересовавшись откуда Жуков получил эти сведения, предложил всем закусить из его запасов. Голодные Жуков и Рябинин не заставили себя долго уговаривать. Злобин взял с заднего сидения большой бумажный пакет, в котором оказались в большом количестве говяжьи котлеты, сыр, белый хлеб, картофель в пластиковых коробках, а так же уже початая пол литровая бутылка коньяка. Когда все втроём плотно пообедали и выпили по пятьдесят грамм для большего согрева, а, может, и для бодрости, Злобин

сказал: – Кто захочет пить – вода у меня находится в двух пятилитровых канистрах. Они там же находятся, откуда же мы взяли пакет с едой, только на полу. Алексей видит. А теперь расскажите о вашей дороге. Чувствую, было какое-то из ряда вон выходящее событие в вашей пути.

Жуков обстоятельно начал обо всём рассказывать, помогая себе жестами и уморительной мимикой. Кратко объяснил причины задержки, о нежелании встречи с постом, о Солёном Жмыхе и, конечно же, о бесславном бое гороховецких охотников с волками.

– Так, так, – задумчиво произнёс Альберт Константинович. И Рябинин увидел в зеркале заднего вида отражение резко обозначающейся морщины на его переносице. – Вон как значит! Далековато этот клин выделился! Обошёл Ковров справа. Вышел на тракт. Вы ведь часть его видели на тракте? Потом они его перешли и... куда дальше двинутся? На Гусь? На Муром? Или на Владимир?.. Однако, они могут создать опасность для движения поездов. Так, так, так. – Злобин так усиленно думал, что даже начал тереть переносицу. – Если их так много, чудовищно много (ведь никто толком их количество подсчитать не может), – вновь он начал вслух распутывать нить своих рассуждений. – Против них двинут армию. Что для себя мы можем здесь выгадать? Что?.. Ртутьев смотрит на волков, как на манну небесную. Чуть ли не молится на них. Думает, что они в одночасье решат все проблемы, все противоречия! Вот уж не думаю, что так.

– А как? – осторожно спросил Жуков и от волнения потянулся за папиросой.

– Курите, курите, – отрешённо проговорил Альберт Константинович. – Вы спрашиваете как?.. Да, в общем, никак.

Вспыхнувшее пламя зажигалки задрожало, как ветром тронутый лепесток, и изо рта Жукова чуть не выпала папироса. Но он тут же овладел собой, прикурил и быстро пустил дым, будто пытаясь затуманить слишком очевидные ответы, которые способны сокрушить последние надежды.

– Ведь в штабе представляется очень просто, – продолжил уже, что-то понявший Злобин. – Ну, придут волки, на них оттянут часть войск. И пока войска будут доблестно вести схватку с волками, наши попытаются захватить с помощью сочувствующих военных и полицейских областные органы власти и всякие там телеграф, почтам. То же самое в районах. А там, глядишь, перекинется и на соседние области. Вот такая схема революции! Как наивно! – ударил себя ладонью по колену этот мыслящий с самим собой человек.

– Поймите, – вдруг опять заговорил он, обращаясь уже не к Жукову с Рябининым, а какому-то незримому слушателю. – Этих волков никакая армия не сокрушит. Вы скажете, это нам на руку. В том-то и дело, что при таких масштабах нашествия никто не останется с барышом – ни мы, ни власти. Вообще нашим областным властям не мешало бы иногда интересоваться, что происходит в смежных с ними областями, а не ждать указаний из Центра. Ведь эти волки, вдумайтесь, прошли из Ненецкого округа (а может ещё, откуда-то. Я даже не удивлюсь, если узнаю, что они свалились с Луны), так вот, они прошли через Коми, Вологодчину, Костромскую, Ярославскую, Ивановскую области! Там ведь тоже против них задействовали армию. Но они как-то ускользали. Это огромное количество волков ускользало! Понимаете? Прямо оборотни какие-то! По следам олений – оборотни! Убили самую ничтожную часть. Но в тех местах они и не пытались оставаться. Как говорится, тамошнее население только лёгким испугом отделалось, которого, как известно, из-за сурового, часто субарктического климата, там и не так много. Это, что касается областей, граничащих с нами с севера. Но восточные области! Их ведь эта волчья миграция лишь слегка задела! Как нарочно, вся эта орава, не поддающаяся исчислению, ввалилась в нашу область. Как же! наша мудрая губернаторша обеспечила их кормом. Сама выбила из Центра разрешение на размещение в области самого крупного поголовья сохатых. Думала этим поддержать высокий экономический рост. Эх, овецкий ум! Думала, еда и шкура для одежд вселит в народ оптимизм, поднимая его до энтузиазма стахановских пятилеток, и он будет работать с утроенной силой. Но вышло по-другому.

Пришли незваные гости («Мы оставляем хлеб в полях нескошенным. Мы ждём гостей незваных и непрошенных.») и говорят, нет, дорогуша, это не твоя, а наша добыча. А чем областная власть может ответить на это хищный рык?.. Или надеется, что олени пойдут дальше, а за ними и волки? Но как раз-то самое любопытное тут то, что олени дальше, южнее, почему-то не идут. Может, климат уже не тот, или ягеля мало, или какие-то магнитные поля, чёрт его знает, только они не идут и всё, хотя их враг уже везде перешёл северные границы области, и как вы только что сказали, в Ковровском районе глубоко вклинился в область, перейдя трассу Владимир-Нижний Новгород. Это уже пахнет не революцией, а... Апокалипсисом местного масштаба.

– Извините, Альберт Константинович, – жутковато улыбаясь и прикуривая потухшую папиросу, которая у него погасла во время слушания, осторожно спросил Жуков. – Вы тут обмолвились, что, мол, этих волков практически нельзя уничтожить? Это что же? Мистика?

– Да, мой друг, Егор, можно назвать и так. Если бы здесь были социал-коммунисты, я не стал их злить, наступая на их слишком материалистическую мозоль, но вы, кажется, ведист. А ведист видит во всех природных объектах – в камнях ли, реках, птицах, зверях – живые души, которые где-то в вершинах звёздного океана в заветный срок сливаются с нашими душами в едином Духе.

– Извините, – так же жутко улыбаясь, но уже не куря, попытался резюмировать ход мыслей Злобина Егор. – Значит, ничего делать... не надо? Из ваших рассуждений получается так.

Альберт Константинович, (Рябинин увидел в зеркале устало опущенные вниз углы его рта) немного помедлив, ответил: – Не всякие рассуждения являются плодом истины. Тем более рассуждения, основанные на эмпирических данных. Даже если эти данные могут быть вопиющими, с примесью мистики, то есть с не до конца понятными нам причинами. Поэтому всё остаётся на уровне прежнего решения. – Тут он усмехнулся. —В этом плане очень оригинально будет сочетать революцию и Апокалипсис местного масштаба. Теперь пока оставим волков, хотя это уже вряд ли получится. Ну, по крайней мере, оставим настолько, насколько это возможно. В Гороховец Алексею ехать нельзя. Практически всё подполье разгромлено. Служба Безопасности превзошла саму себя.

– А остальные оппозиционные движение? – сдерживая волнение в голосе, спросил Жуков и шумно заёрзал на кожаном сидении.

– Я же сказал, практически все. И социалисты, и анархисты. Впрочем, группу Жарова не удалось ликвидировать. Но их там очень мало и они, практически, в Гороховецком районе не имеют веса.

– Чем же всё-таки было вызвано такое быстрое их внедрение в подполье. Раньше же таких удачных операций у них не было? – вдруг спросил, всё время молчавший Рябинин.

– Я думаю, они ещё до волчьего нашествия успели многое пронюхать, так как, – вновь углубился в думу Альберт Константинович, и на виске его обозначилась жилка. – Так как Гороховецкие группы действовали неосторожно, часто глупо козыряя бессмысленными акциями. Вот и результат. Эсэбэшники воспользовались их промахами. Но, как опытные ловцы, видимо, решили не торопиться тянуть вершу, чтобы она со временем наполнилась остальной добычей. А тут, вовремя, не вовремя ли, подошли волки. Медлить уже было нельзя. Ведь на северо-востоке района их скопилось громадное количество. Перед борьбой с ними, власть и решила сделать упредительный удар у себя в тылу. Ведь им было ясно, как божий день, что этим нашествием обязательно воспользовались бы все противоправительственные группы. А тут ещё артиллеристскую часть с «Градами» отправили ближе к Владимиру. Поэтому они решили сразу ударить по всем известным им группам. Одного дня хватило, чтобы учинить этот разгром. Теперь пойдут допросы, основная часть не выдаст, но малодушные начнут работать со следствием. Но всё равно эсэбэшникам трудно будет выйти к ядру. Каждая группа действует изолированно. Лишь отдельные главы сообщаются с центром, но они ни под какими

пытками не выдадут пороли, явки и квартиры. Такая вот ситуация в Гороховском районе на сегодняшний день. А теперь к делу. Значит, что? Егор вы отправляйтесь один до Гороховца, у вас путёвка, и, по нашим сведениям, подозрений, на вас быть не должно. Ведь вы не общались с местными подпольщиками. Хотя всё равно – будьте осторожны и бдительны. Как отвезёте груз, сразу возвращайтесь. Работы сейчас будет хоть завались.

– Понял, – коротко произнёс с нервной хрипотцой в голосе Жуков.

– А как же я? – подал звук, ещё не понимавший суть проблемы Рябинин.

– А вы, Алексей, поедете сейчас со мной во Владимир. В эти критические дни люди, владеющие оружием, должны находиться в центре. На местах хватает нужных людей. А во Владимире жидковато. Почти миллионный город всё-таки. Так, Егор, всё ясно? Без импровизаций. Удачи.

Только Жуков собрался выходить, как начал чертыхаться: – А, чёрт! Инструкции, наверно, уж не нужны.

– Это уже макулатура. Немедленно уничтожьте, – обрубил Злобин, знающий о них из рассказа Жукова. – Смотрите не вляпайтесь с ними. Заверните в подлесок погуще и незаметно сожгите вместе с дровами, чтобы было впечатление, будто вы греетесь у костра.

– Да уж по этой части, можете не учить, – сказал Жуков и, натягивая кепку на лоб. – Ну, Альберт Константинович, (пожал руку) прощайте. Не унывай, Лёха. – и крепко-крепко пожал Рябинину руку. У Алексея защемило в груди.

– Сдружились мы с тобой в дороге, – рассмеялся Жуков. – Ну, да ладно. Даст Бог, свидимся ещё. Прощайте, други!

И с этими словами открыл дверцу «Опеля», запуская в салон колкий морозный воздух. Потом немного постоял, о чём-то раздумывая, и уже, рассеивая все сомнения, плотно её захлопнул.

В Успенском соборе

9-е декабря. Среда

Всякое дыхание да славит Господа.

Из 150-го псалма.

Утром десятого числа, хотя был и будничным день, но на специальной площадке перед Кафедральным собором скопилось множество иномарок госслужащих и бизнесменов – всё прославленные автомобильные бренды государств, которых уже не существовало. Их во время великого переселения европейцев в Росланд пригоняли тысячами, словно отару баранов, как плату за новое гражданство. Все эти знаменитые авто за копейки получили от государства олигархи. И теперь их внуки и правнуки торговали ими направо и налево, хотя всем машинам было уже и по шестьдесят, и по семьдесят, и по восемьдесят, и даже по сто лет, и поэтому многие из них угарно дымили, были помяты в разных местах, с нерабочими подфарниками, с выбитыми стёклами, заменённые фольгой, и многими другими дефектами. Но, тем не менее, были покупаемы и представляли для их хозяев предмет особой гордости, как и в те далёкие светлые времена.

Вот стоит огромный джип «Тойота» без обоих бамперов, с заменёнными вместо них блестящими трубками (видимо, аксессуары из элитной сантехники), с выбитой фарой, которую ныне украшает лампа какого-то осветительного убора, и мятой крышей. Но владелец его на седьмом небе от обладания этим супервнедорожником. Ведь, кажется, ни у кого у городе такой роскоши нет. А вот элитный «Фольксваген» без задних сидений, с выбитым ветровым стеклом, заменённым другим, топорно привинченными болтами и с вмятиной на капоте. Вроде бы зариться не на что. А её владелец задирает нос перед обладателями более скромных машин.

Боже, сюда даже затесался люксовый американский «Кадиллак»! Правда, задняя часть была некогда смята в гармошку, которую с огромным усилием расправили в автосервисе, и на переднем мосту немного разные колёса, но владелец его, старый сатир, вчера вечером возил на нём на вечеринку обомлевших девчонок. Кто бы ещё их когда прокатнул на автомобиле класса люкс...

Что ни говори, нынче много понаехало машин. Одна роскошней другой. Но в чём же причина этого машинного столпотворения? Не воскресенье же, в конце концов. А причина одна. Митрополит Владимирский и Суздальский Захарий ныне служит молебен о ниспослании божественной силы против волчьего нашествия. Потому чиновники в таком количестве и поехали на службу, и если не ради благочестивой просьбы и веры в божье могущество, то уж точно покрасоваться со свечками в руках, лишний раз поротозеть на знаменитый Страшный Суд Андрея Рублёва и усладить свой слух профессиональным хоровым пением. Ради такого невиданного в истории митрополии случая митрополит Захарий, после обиходных ектений и песнопений, произнёс специально заготовленную проповедь, в которой, как и приличествовало ответственному пастырю, строго призывал паству усиленно каяться, ибо нашествие волков послано нам в наказание, ибо укорённые в грехе, не имеем любви, разучились молиться, не творим милостыню, не слушаемся священноначалие, впадаем в содомские грехи, расслабленно мечтаем, ходим, чтобы рассеяться, в храмы других конфессий.

При этом митрополит, сводя гневные, выпирающие костными дугами брови под святительской митрой, и твёрдо сжимая правой, украшенной перстнями рукою митрополичий посох, остановился и сделал попытку своими близорукими глазами в огромных очках увидеть в первом ряду молящихся губернатора. Увы, её не было. Чёртова кукла, чуть не выругался Захарий. Опять молится где-нибудь у католиков, или у конфуцианцев, или у не забранными американцами на Марс мормонов, думая этой тщетой умилостивить истинного Бога. Вот возьму и отлучу от церкви. И эту Лизкову, которая гороскопы ей составляет. Избегающим своего пастыря овцам, вырывающимся из своего загона кобылицам анафема! Тьфу, тьфу! Под вытканным искусными мастерицами саккосом возмущённо трепетало пасторское сердце. Всегда спокойное лицо исказила негодующая гримаса. В воздухе, густо пропитанным ладаном, зрели страшные обвинения Иоанна Златоуста, готовые упасть за головы чиновников и их областной начальницы. А это уже переходило известные рамки и могло вызвать скандал. Да и проповедь сама уж больно затянулась. Это мигом просёк толстый и румяный, как херувим, протодиакон. В нарушение чина службы он самовольно взял с аналоя Апостол и, пока Митрополит не успел бросить слова гнева, начал густым басом читать скупые и сухие поучения святого Петра. Апостольские мудрые фразы немного привели в чувство Захария и уже потом, перед тем, как он должен был читать Евангелие, он смиренно дал для поцелуя свою душистую руку полным губам протоирея. Теперь митрополит уже полностью успокоился, но протодиакону за самовольство всё равно не избежать епитимии. Когда же терпеливо служка держал перед митрополитом раскрытое тяжёлое старинное Евангелие, а митрополит читал о добром самаритянине, он, читая давно знакомый текст, всё думал о странности человеческой природы. С одной стороны, людей, облечённых властью, должны слушаться подчинённые, с другой стороны, сами эти люди подают дурной пример неповиновения духовной власти, ибо духовная власть всякой власти власть. Когда он кончил читать, полный сокрушения, удалился к горнему месту. А протодиакон зачем-то ни к селу, ни к городу своим сочным басом запел «Многая лета». Хор голосисто подтянул. Нет, нет, думал митрополит, никакого уже благочиния в храме нет. Он взглянул через открытые Царские врата сначала на старинные фрески, образцы духовной красоты, потом на пустые лица чиновников и ужаснулся «Их же лица бездумны, бессмысленны! Неужели их благодать никогда не коснётся!»

Но владыка был несправедлив. Нет, лица чиновников не были бездумны. Это было у него было минутное наваждение, навеянное сокрушением, печалью. Наоборот, каждый из первых

рядов напряжённо о чём-то думал, изрядно шевеля извилинами. Например, немного косившая глазами Валентина Львовна Махно, отвечающая за работу с религиозными организациями различных конфессий, легкомысленно одетая в тёмно-розовую с начёсом шубку и такие же брючки, с вьющимися из-под свето-розового колпака небрежных золотистых волос Гретхен, думала, «Не стоило бы владыке так придирааться, что кто-то иногда ходит в не в православный храм, а в другой. Всё равно у государства в приоритете Православная церковь. Бог с ними с другими. Особенного вреда от них нет. Главное, чтобы главы религиозных объединений призывали к почитанию начальства. К тому же такое конфессиональное разнообразие помогает взглянуть на истину с другой стороны. Ведь когда в руках вертишь алмаз, сколько он разноцветных переливов посылает взору! Вот и Инесса Власьевна... Хотя навряд ли она склона рассматривать истину с различных сторон. Ей это абсолютно не нужно. Ибо она слишком утилитарно смотрит на религиозную практику, и ждёт от молитв и обрядов какой-то сиюминутной материальной пользы. Потому и бродит по храмам всех конфессий. Помолилась здесь – не дал Бог, чего просила, помолилась там – но и там Бог не дал, тогда, может, ещё где-то стоит попросить? Так и скитается по всем мыслимым и немыслимым конфессиям, включая сектантские общины, переливая из пустого в порожнее. Господи, прости ей это прегрешение». И, вздохнув, истово перекрестилась. А вот Ричард Степанович Малевич, начальник тыла УМВД, в строгой чёрной шинели полицейского полковника, на плечах которой блестели золотые пагоны, был занят более насущными мыслями: «Подпольные антиправительственные организации с каждым днём всё выше поднимают голову. Вот вчера вечером одна штучка в театре, ничего уже не боясь, призывала чуть ли не к свержению правящего строя... да не чуть, а прямо. Мы хотели всё от неё узнать. И узнали бы, но шеф Службы Безопасности, Альфонский, уговорил, что её лучше отпустить, её, мол, следы и так приведут куда надо. Не знаю, не знаю, что у них там выйдет. А сама-то девчонка из какой-то глухой чуть ли не средневековой деревни. Оказывается и там вредоносные цветы растут. А мы за этими поселениями и не следим, считая, что там живут пещерные люди. Вот тебе и пещерные люди! А у нас катастрофически не хватает кадров, чтобы послать туда участковых.» И тоже, тяжело вздохнув, перекрестился, да ещё и поставил свечку Николе Угоднику. А у Аскольда Бенедиктовича Фишера, директора Областного сбербанка, своя думка. Моргая красными и лысыми, как у игуаны, глазами, он поносил чуть ли не матом собравшуюся здесь чиновную рать, а заодно и остальных сильных мира всего. «Опустошили, кровопийцы, весь банк. Ведь всё равно же сбережения держали в долларах. Что ему сделается! В кризис он только будет жиреть. Нет же, они считают, что лучше вкладывать его в недвижимость да в блестящие побрякушки. И что получили? Из-за бешеного спроса на недвижимость и ценные товары, цены на них взлетели в несколько раз! Что у людей голове? Труха или всё же подобие мозгов? *We are the hollow man, We are the stuffed man*⁴. Может быть, во всей этой скверной истории мне ещё удастся остаться на плаву. Может даже, ещё и с прибытком останусь. Валютных резервов, благодаря нашей накопительной политике, достаточно. Доллар подорожал. Не плохо бы было, если Главный банк из Центра ещё бы его поднял. Тогда вообще зажил бы как у Христа за пазухой. Но в любом случае отдельным предприятиям, как бы им не было туго, необходимы будут кредиты. Главное договориться о процентах. Пускай берут хоть в рублях, хоть в долларах. Лучше в долларах. Хотя здесь имеется известные риски, так как финансовый ресурс будет браться не из реальных сбережений, а эмиссии необеспеченной валюты. Но как говорится, кто не рискует, тот не пьёт шампанского». И неспешной походкой, вызывающе блистая добротным тёмно-зелёным драповым пальто на тёплой подкладке, направился со свечой-колотушкой к иконе Спиридона Тримифунтского, святого патрона всех банкиров и бизнесменов.

⁴ Мы полые люди, Мы чучела, а не люди. (англ.) Т. Элиот «Полые люди».

И так каждый о своём. Тиммо Аалтонен, мэр Владимира, о том, как бы волки не напали на его личные свинофермы, находящиеся в Камешковском районе. Никита Ростиславович Верный, отвечающий за финансы области, думал о грядущем крахе финансовой системы. Елизар Матвеевич Кравчук, экономический зубр, думал, что промышленный спад неизбежен. Только каким низким будет это падение. Аполлон Кузьмич Мухамиддинов, отвечающий за продовольствие, думал, всех ли оленей пожрут волки, или что-то оставят. Иван Васильевич Кривонос, главный охотовед, уже считал, что одними охотничьими хозяйствами не обойтись. И остальные думали в подобном духе. После молебна, предварительно получив архипастырское благословление, выходили их собора хмурыми и озабоченными, не получив от службы терапевтического эффекта. Неужели и в правду их покинула благодать? Но есть ещё одно надёжное средство от уныния. Это завтрак в хорошем ресторане. И вот, понемногу успокаиваясь в предвкушение сытных блюд и витаминных соков, все они, уже перешучиваясь друг с другом, садились в свои элитные иномарки и, обдавая свежий морозный воздух выхлопной гарью, уносились к вождь-ленным бифштексам и коктейлям.

Цивилизация!

9 декабря. Среда

Норвегией правил в то время Харальд Серый
Плащ, сын Эйрика Кровавая Секира, внук
Харальда Прекрасноволосого. Мать его звали
Гуннхильд. Она была дочь Эцура Тоти. Они
жили в это время на востоке, в Конунгахелле.

Исландские саги. Сага о Ньяле.

Когда Рябинин сел на место Жукова и Альберт Константинович, заведши бесшумный мотор, направил автомобиль в сторону запада, он сообщил Алексею, что необходимо сделать большой крюк: заехать в Ковров «не в сам в Ковров, а на Ковровский железнодорожный вокзал», чтобы нужному человеку сообщить последние новости и дать руководство к действиям в непредвиденных ситуациях. Так же Злобин собирался от него услышать информацию о жизни и настроениях местного подполья в свете «гороховецкого разгрома». «Ведь эсэбэшники имеют мощные пеленгационные средства, которые хорошо ловят радиосигналы, поэтому доставлять и получать информацию по рациям ныне весьма рискованное занятие. С рацией более безопасно работать только из какой-нибудь дальней лесной точки. Но и там могут вычислить. И когда гороховецкие передавали нашим в Вязниках сообщение о провале, они это потому делали, что уже знали, что им нечего терять.»

Потом Злобин сказал, что придирчивого поста ему, Алексею, опасаться не следует, у него, у Злобина для слишком любопытных имеется при себе вещь, которая отбивает всякое любопытство. При этих словах он, тормоза надушенный мохеровый шарф, извлёк на свет божий из глубин дублёнки, под которой очевидно находился пиджак с внутренним карманом, синие корочки с оттиснутыми на первой обложке золотистыми буквами и повертел ими правой рукой. Это оказалось не чем иным, как удостоверением Главного Педагогического Консула. Таких в области, пояснил Альберт Константинович, только двое: он – Злобин, и Крюшон. Они оба, с находящимися у них в подчинении большого штата сотрудников, курируют все образовательные учреждения области. Крюшон сейчас в Гусевском районе, а он, Злобин, три месяца проверяет образовательные учреждения Вязниковского района. С таким удостоверением никакой пост не страшен. А если увидят в салоне простолоудина, так его просто можно будет выдать за самородка, которого педагогическая шишка везёт показать во Владимир. Да и вообще, это не их собачье дело. Они что? хотят себе проблем, суя нос, куда не следует? Это

заверение и штука с мощной губернаторской печатью успокоило Рябинина и он решил задать несколько вопросов по поводу огромнейшей разницы образования для детей простых людей и детей элиты. Ибо эта несправедливость с детских лет ему не давала покоя.

– Ну, про школу для простых, – говорил Злобин, ровно ведя автомобиль. – Я особенно не буду распространяться. Всё это вы знаете как представитель, как бы выразиться помягче, низшего класса. Извините, что низвергаю вас с лестницы, так сказать, высших существ, как какую-то туфельку-инфузорию. Но в этом не моя вина, а всех тех, кто эту чудовищную систему создал. Сначала социальную, а затем, как естественное продолжение и дополнение её, – образовательную. Видите, как ловко власть имущие распорядились об образовании бедняков! Четыре класса церковно-приходской, как говорили двести с чем-то лет назад, школы. Перечислим, какие там предметы? Элементарна арифметика, счёт, деление, умножение, простые уравнения, элементарные задачи. Дальше. Письмо и грамматика, где ограничиваются зубрёжкой нескольких правил. Дальше. Окружающий мир, где ребёнок учат социализироваться только к его трущобной среде. Так же на этом предмете допускается педагогу немного полопотать о растениях, животных. Литература. Выбор не очень богат. Из великих писателей берутся небольшие отрывки. В основном поощряется читать современную литературу о низших слоях, которая описывает жизнь трудового человека в приподнятых тонах, даже не намекая на существующее неравенство и несправедливость. Что там у нас ещё? История с географией. Вот так в Центре, в Министерстве Образования и скрестили историю с географией. Так чему же этот кентавр учит? Никакой Руси с Россией не было. Только был мифический Росланд, омываемый, как древнегреческая ойкумена, Океаном. И русских никогда не было, а были какие-то племенные мутанты. Это, якобы, всё навязывается из-за благой цели, чтобы не сорились пришлые народы с русскими.

Последние слова Альберта Константиновича приглушил бешенный грохот мотора огромной, как локомотив, и страшной, как сатана, фуры, на скорости вылетевшей навстречу и тут же с рёвом скрывшейся позади.

– Но ведь всё равно же, – с горячностью возразил Алексей, даже не проводивший взглядом пронёсшейся мимо шедевр самопального конструктивизма. – Никто не верит в этот Росланд. Как бы нашу страну не окрестили официальные академики, все знают, что ей название Русь, Россия.

– Это нынешние поколения так знают, – скептический отмахнулся Злобин. – А вот последующие... – И, размышляюще о чём-то, потёр переносицу.

– А чего пишут о других? – вдруг воодушевился он. – Американцы всегда были нашими друзьями. Поэтому мы, ещё до тектонического разлома в Среднеамериканском плато, помогали им строить марсолёты. Хотя, конечно, спецы наши им помогали, валюта была нужна, но друзьями они нашими никогда не были. О других – такая же белиберда. Китайцы, индусы.

– Странно как-то, – задумчиво произнёс Рябинин. – Каких-то сто лет назад у нас были инженеры и конструкторы, которые могли создавать космическую технику, а сейчас перебираем старые машины, вместо скоростных поездов и лайнеров, налаживает производство паровозов, примитивных аэропланов и дирижаблей. Где телевидение? Где компьютеры? Хоть сигналы по радию не разучились пускать. Посчитай, вся техника – и гражданская, и военная – позапрошлого века. Военная – даже начала и середины двадцатого века. Боже мой! Какая деградация!

– Всё это результат образовательной политики, которую у нас ввели, и ввели не сразу, а постепенно; ещё в начале прошлого века начали экспериментировать, – спокойно, как об уже давно осмысленном факте произошедшей трагедии, сказал Альберт Константинович. – *Дыры глазниц проколола трава, Белая кость, а была голова.* А теперь давайте подытожим, как учат в этих школах. Учат как можно меньше, чтобы уровень мышления был на уровне обезьяны. Главное чтобы могли на простых станках как-то работать, собирать части машин да водить

трактора. Ведь если воспитаннику дать большее, то, не дай бог, начнёт ещё задумываться над смыслом жизни. А это для существующего режима вещь нежелательная. Конечно, ещё существуют и объективные факторы у этой деградации. Это, прежде всего, Великий Ледник.

Злобин, близоруко сузив глаза, посмотрел в сторону. За окном по обе стороны «Опеля» простирался жалкий корявый ёрник с возвышающимися над ним телеграфными столбами. Совсем недавно, когда они только-только проехали симпатичную придорожную деревеньку, по сторонам тянулись ещё не сдавшие позиции относительно пышные сосны и ели, теперь же – наглядное последствие климатической катастрофы. Даже ясное солнце не оживляло этого унылого пейзажа. Альберт Константинович чуть прибавил скорость, чтобы побыстрее проехать эту унылую местность. Легко скользя по посыпанной шлаком трассе ещё не старыми шинами, автомобиль, казалось, нёсся к какому-то неясному будущему. Далеко позади остались и бензозаправка с озорным дедом, и поворот на Солёный жмых и пасшееся вдали стадо оленей с тремя чумами. Скоро, наверно будет дорожный пост.

– Хотя всё это чепуха, – вновь заговорил, опровергая себя, Альберт Константинович. – Это они сами придумывают причины, почему такой у населения низкий уровень. Сами, с высшим образованием, тупее в сто раз! Это ж надо додуматься! Электричества им не хватает. Не электричества, а мозгов им не хватает. Все АЭС заморожены. Хотя это, может, и к лучшему. Но русская земля всегда была богата самородками. Вот из глубинки Владимирщины объявился какой-то Леонардо Парамонов, с виду то ли юродивый, то ли вообще дурачок. Но только ответьте мне, как он умудряется отбирать сверх нормы энергии у электроподстанций, при этом, не выводя из строя хилые трансформаторы! Вот казалось бы, перед вами талант, может быть, гений. Так дайте ему работу в исследовательском бюро. Ан, нет! Шлея под хвост попала. Нет, конечно, его могут привлечь для подвода тепла в бараки, чтобы работяги не замёрзли. Но чтобы дать руководить каким-нибудь большим проектом – этого им не надо.

– Почему? – спросил простодушно Алексей. – Ведь если человек неординарен и способен создавать экономоёмкие технологии, или даже просто творить необходимые вещи в другой области, – всем же от этого будет польза?

Злобин усмехнувшись наивности Рябинина, покрутил головой из стороны в сторону. Потом, опять потерев переносицу, серьёзным тоном сказал:

– Первое я уже сказал. Мыслящие люди среди простолюдинов им не нужны. И неважно техническая эта область или гуманитарная. Потому что и технарь, мыслящий неординарно творческая личность, который своим порывом может заразить и массу. Не случайно подобным технарям они дают мелкую работу. А талантливых гуманитариев спихивают на работу во всевозможные архивы, на незначительные должности в библиотеках, разрешают даже учить детей простолюдинов, но здесь строго по утверждённым серым программам. Из первого вытекает и второе...

Но тут он вынужден был прервать речь, так как увидел впереди опущенный полосатый шлагбаум ДПС. Вот и долгожданный пост! Рябинин вытянул шею, чтобы повнимательней рассмотреть его. Вначале он взглянул на домишку поста. Она представляла из себя низкую квадратную бревенчатую постройку с замызганными окнами, находящимися на двух ближних стенах, и с уже начинавшей разваливаться трубой. Если бы не было покосившегося крылечка с обитой дешёвым кожзаменителем дверью, то эту будку можно было бы принять за баню. За будкой возвышалось несколько заснеженных ёлок, возле которых жались согнутые, как старухи, карликовые берёзы. Посреди дороги во всём чёрном и мохнатом, будто это был представитель отряда паукообразных, с автоматом за спиной стоял до того толстомордый постовой, что мяса на его скулах чуть ли не закрывали глаза. Злобин притормозил и опустил боковое стекло. Мордастый, с пагонами лейтенанта, отдал честь с висящей на рукавице полосатой колотушкой.

– Ваши документы, – вежливо и в тоже время холодно спросил полицейский.

– Вам дать мандат или удостоверение?

Полицейский немного замешкался.

– Если вам не трудно, то удостоверение, – наконец, решил он.

Злобин подал удостоверение. Посмотрев в него, мордастый – как показалось Алексею – вздрогнул, потом провёл рукавицей, на которой была колотушка, по лбу, и, широко улыбаясь, отдал удостоверение.

– Приятного пути, Альберт Константинович! И будьте осторожны. Волки в большом количестве этой ночью перешли большак у Ржавой балки.

– Премного благодарен, – ответил на учтивость учтивостью Злобин. – Мы в курсе. Можете не беспокоиться.

Постовой поспешил поднять ручной (с верёвкой и балластом) шлагбаум. Автомобиль двинулся дальше. На крыльцо вышел тощий полицейский с заспанными глазами, тоже во всём чёрном и мохнатом и с автоматом за спиной. В боковом зеркале Рябинин увидел, как толстомордый побежал к нему, делиться, видимо, счастливую вестью.

– Вот и всё, – флегматично заключил Злобин. – Для всех этих полицейских нижних чинов высокие чиновники и начальники прямо как боги, которые сошли с небес, как утверждают мифы, индейцам Майя.

– Но при этом они, где только возможно, – вставил Рябинин. – А это только возможно в барачных кварталах, готовы проявить свою, пусть ничтожную, но власть.

– Верно, – добавил Злобин. – Псы послушны лишь своим хозяевам, а посторонних, тем более, нищих можно и облаять.

Несколько минут ехали молча. Встречные машины встречались привычно редко. Солнце было в зените и сквозь заднее стекло чуть-чуть припекало. За окнами простиралась неласковая, не радующая глаз лесотундра. Вдруг с обеих сторон выросли огромные заснеженные горы мусора, оставленные ещё более ста лет назад, в пик эпохи всеобщего благоденствия. Эти уродливые порождения потребительской цивилизации тянулись полчаса. Затем опять лесотундра с пасущимся вдалеке стадом сохатых. Вот, кажется, в метрах ста от правого борта мелькнул песок. Бессонная ночь дала себя знать и Алексея сморило. Сначала сопротивлялся, но потом устал сопротивляться. Завалил голову вниз, закрыл глаза и сразу провалился, как в глубокий болотный мох, в пустой, без сновидений, тревожный сон. Сколько времени так он спал, не знал, только когда он проснулся, то почувствовал себя гораздо свежее. Солнце светило с правой стороны и было уже ниже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.